

52.

М. В. Терещенко

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ДІВІЗОРЪ

КОМЕДІЯ

въ пяти дѣйствіяхъ

Н. В. ГОГОЛЯ

Съ 30 рисунками

Масуринъ

Терещ.
52

МАРКСА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ЦѢНА 40 коп.

МЕЧНИКОВА

М. В. Терещенко

Н. Гоголь.

РЕВИЗОРЪ

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

И

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ.

—*—
ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) Письмо Гоголи послѣ перваго представленія „Ревизора“.
- 2) О комедіи „Ревизоръ“—*Вильмскаго*.
- 3) „Ревизоръ“—*С. Дудышкина*.

РЕДАКЦІИ И ПРИМѢЧАНІИ

Арнадія Сосницкаго.

Съ 30 рисунками Вл. Табурина.

М. В. Мерещенко

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 марта 1895 года.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъячскзд, № 1.

Въ нашей школѣ давно уже ощущался недостатокъ въ отдѣльномъ изданіи „Ревизора“ потому именнно, что эта комедія, не требуя обширныхъ и сложныхъ историческихъ комментаріевъ, представляетъ высокій и драгоценный образецъ такого художественнаго произведенія, въ которомъ каждое лицо, его слово, положеніе, наконецъ каждое явленіе, необходимы и характерны; почему все въ совокупности способствуетъ болѣе доступному выясненію учащимся понятій о комическомъ и комедіи, о драматическомъ положеніи вообще и о художественномъ его изображеніи.

Предлагаемое изданіе предназначается главнымъ образомъ для употребленія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ пособіе при изученіи словесности.

Вмѣстѣ съ „Ревизоромъ“ мы рѣшились помѣстить и „Театральный разѣздъ“, ибо въ этихъ сценахъ разбросаны замѣчательно глубокія мысли о комедіи и комическомъ изображеніи жизни, при чемъ авторъ мало-по-малу, въ разговорахъ действующихъ лицъ, выясняетъ и значеніе своей комедіи.

Гоголь въ письмѣ къ Пушкину, написанномъ векорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора», на которомъ присутствовалъ въ театрѣ, сообщая о разнообразныхъ толкахъ,

1*

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сввозникъ-Дмухановскій, городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.

Жена его.

Аммось Ѳедоровичъ Ляпкинь-Тяпкинь, судья.

Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.

Петръ Ивановичъ Добчинскій }
Петръ Ивановичъ Бобчинскій } городскіе помѣщики.

Иванъ Александровичъ Хлестановъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.

Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ

Иванъ Лазаревичъ Растаковскій }
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ } отставные чиновники, почетныя
лица въ городѣ.

Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.

Свистуновъ

Пуговицынъ } полицейскіе.

Держиморда }

Абдулинъ, купецъ.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтеръ-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гостыя, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень неглухой, по своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно, довольно серьезень, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокоумію, довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми наклонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженные, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсемъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная въ половину на романахъ и альбомахъ, въ половину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытная и, при случаѣ, выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разные платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій, нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постоянного вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ себѣ самому читать правоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровень, въ разговорѣ съ барининомъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга: оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше, серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Лякинъ-Тякинъ, судья, человекъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумецъ. Охотникъ большой на догадки, и потому каждому слову своему даетъ вѣсь. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый, неуклюжій человекъ; но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человекъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна переменить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ-будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

М. В. Терещенко
ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренеприятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммось Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Гор. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито *). И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

*) Инкогнито—подъ чужимъ именемъ.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.

Амм. Ѳед. Вотъ-те на!
Арт. Фил. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лук. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ!

Гор. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, *этакихъ* я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочствъ въ полголоса, пробывая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А! вотъ: «Спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ ли-

цомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» (*Остановясь*). Ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дни...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Амм. Ѳед. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лук. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Гор. (*испуская вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Амм. Ѳед. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и болѣе политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то *), вотъ видите, и подослала чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Гор. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Амм. Ѳед. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Гор. Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа, предупредилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемію Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ за-

*) Въ смыслѣ правительство, начальство.

Аммось Федоровичъ Ляпкинь-Тяпкинь, судья.

хочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Арт. Фил. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Гор. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать полатыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,—всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у

васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ Землянина.

Арт. Фил. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ нимъ изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву п и нѣсколько на е.*

Гор. Вамъ тоже посоветоваль бы, Аммосъ Федоровичъ, обратить вниманіе на присутственные мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводить всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завести его; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Амм. Фед. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Гор. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ пройдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посоветовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами *) Христіанъ Ивановичъ.

*) medicamentum (лат.) — лѣкарство.

Христ. Ив. *издаетъ тотъ же звукъ.*

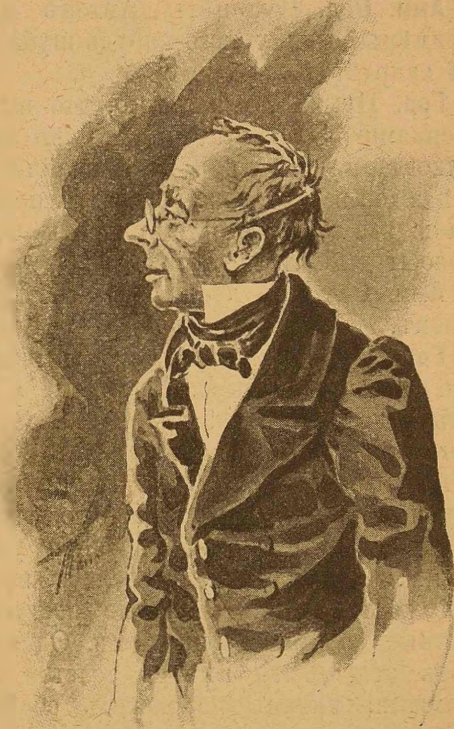
Амм. Фед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ не много водкою.

Гор. Да я такъ голько замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распорядка и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтерянцы *) напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Фед. Что-жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь.

*) Вольнодумцы. Отъ собственнаго имени — Вольтеръ. Вольтеръ — знаменитый французскій писатель и философъ 18 вѣка — рѣзко проводилъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ свободныя мысли, которыя разрушительно дѣйствовали на установленные идеалы и формы жизни.

«Ревизоръ».

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ.
уѣздный лѣкаръ.

Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки?—борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Гор. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Амм. Ѳед. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, на-примѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Гор. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете: вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Гор. Ну, въ иномъ случаѣ много ума—хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уяздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ*), но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, на-примѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взшедши на кафедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или дру-

*) Слово *коллегія* здѣсь употреблено въ смыслѣ учебнаго заведенія (средняго или высшаго).

гой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лук. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на-дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Гор. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній хватать тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ

Лука Лукичъ Хлоповъ,
смотритель училищъ.

объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ кафедры и, что силы есть, хватъ стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лук. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говорить: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

Гор. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроятъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лук. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Гор. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянеть: «А, вы здѣсь голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?» — «Ляпкинь-Тяпкинь!» — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтм. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Гор. А вы развѣ не слышали?

Почтм. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Гор. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтм. А что думаю? — война съ турками будетъ.

Амм. Ѳед. Въ одно слово! Я самъ то же думалъ.

Гор. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтм. Право, война съ турками. Это все французъ гадить.

Гор. Какая война съ турками! просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтм. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Гор. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтм. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Гор. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*береть его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтм. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это прейнтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... *) а назидательность какая... лучше чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ!»

Гор. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описаль

*) Пассажъ (фр. passage) — случай, происшествіе.

балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течеть», говорить, (въ эмпиреяхъ *): барышень много, музыка играетъ, штабдартъ **) скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ,
почтмейстеръ.

Гор. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

Амм. Ѳед. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтм. Ахъ, батюшки!

Гор. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бы вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣла-

ли, но вѣдь это дѣло семейственное.

Амм. Ѳед. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, при-

*) Эмпирей (греч.), по понятію древнихъ, высшее изъ всѣхъ небесъ, окружающихъ землю. Здѣсь въ смыслъ высшаго удовольствія, наслажденія.

**) Штабдартъ—знамя коннаго полка. Штабдартъ-юнкеръ—унтеръ-офицеръ, возящій знамя.

знаюсь, шель-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Гор. Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и счастье...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій (оба входятъ запыхавшись).

Бобч. Чрезвычайное происшествіе!

Добч. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Добч. Непредвидѣнное дѣло! Приходимъ въ гостиницу...

Бобч. (перебивая). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добч. (перебивая). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я расскажу.

Бобч. Э, вѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добч. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобч. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я расскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Гор. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. (Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей). Ну, что, что такое?

Бобч. Позвольте, позвольте, я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того,

Дѣйств. I, явл. III (стр. 23).
Бобчинскій и Добчинскій входятъ
запахавшись.

какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ—такъ я тогда же забѣжалъ... Ужь пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добч. (перебивая). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобч. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали вы о новости-та, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услышали объ

этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добч. (перебивая). За боченкомъ, для французской водки.

Бобч. (отводя его руки). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужь вы, Петръ Ивановичъ... этого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...» Да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человекъ...

Добч. (перебивая). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобч. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физиономія... поступки, и здѣсь (вертитъ рукою около лба) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не проста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, — трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человекъ?» а Власъ отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не расскажете, ей Богу, не расскажете: вы пришепечиваете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это», говоритъ, «молодой человекъ, чиновникъ», да-съ; «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ», говоритъ, «въ Саратовскую губернію и», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ,

забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

Добч. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: «Э!»

Бобч. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?» — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Гор. Кто, какой чиновникъ?

Бобч. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотацію *), — ревизоръ.

Гор. (въ страхѣ). Чтò вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добч. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная **) прописана въ Саратовъ.

Бобч. Онъ, онъ, ей Богу онъ... Такой наблюдательный: все осматрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Гор. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добч. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобч. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Гор. И давно онъ здѣсь?

Добч. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василія Египтянина ***).

*) Нотація — сообщеніе, заявленіе (въ дипломатическомъ языкѣ *нота*), замѣчаніе, наставленіе.

**) Подорожная — открытый листъ на полученіе на станціяхъ почтовыхъ лошадей.

***) 28 февраля Церковь празднуетъ память Василія преподобнаго въ Египтѣ (по народ. капельника). У народа и до сихъ поръ сохранился обычай, вмѣсто чиселъ мѣсяца, обозначать время названіями праздниковъ или именами святыхъ.

Гор. Двѣ недѣли! (Въ сторону). Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! (Хватается за голову).

Арт. Фил. Что жъ, Антонъ Антоновичъ? — ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Амм. Ѳед. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ «Дѣянія Іоанна Масона»... *)

Гор. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому! Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (Обращаясь къ Бобчинскому). Вы говорите, онъ молодой человекъ?

Бобч. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Гор. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронохаетъ. Бѣда, если старый чортъ; а молодой — весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно **), для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Чтò угодно?

Гор. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частного пристава, и приходи сюда. (Квартальный бѣжитъ впопыхахъ).

*) Масоны — тайное общество, распространенное по всей Европѣ. Къ первоначальнымъ цѣлямъ его — распространенію благотворительности, нравственности и высшихъ добродѣтелей — стали примѣшиваться другія — политическія, религіозныя. Правительства стали на эти общества смотрѣть, какъ на опасныхъ враговъ порядка, почему и собранія ихъ начали повсюду запрещать. Известно сочиненіе въ вѣ масонской литературѣ Іоанна Масона «О познаніи самого себя».

**) Приватно (лат.) — частно, отдѣльно.

Арт. Фил. Идемъ, идемъ, Аммосъ Федоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Амм. Фед. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Арт. Фил. Какое колпаки! Больнымъ вѣдно габеръ-супъ*) давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая каша, что береги только носъ.

Амм. Фед. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто пойдетъ въ узднй судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда. *(Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Гор. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Кварт. Стоять.

Гор. Ступай на улицу... или нѣтъ, стой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Кварт. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Гор. Какъ такъ?

*) Haber или Hafer — овесъ (нѣм.).

Кварт. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Гор. *(хватаясь за голову)*. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ — бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобч. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Гор. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобч. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Гор. *(принимая шпагу, къ квартальному)*. Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ испаралася! Проклятый купчишка Абдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ, — по метлѣ! и вывели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вывели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты, ты, я знаю тебя: ты тамъ кумаешься*), да крадешь въ ботфорты**) серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

*) Т. е. сводишь знакомства.

**) Ботфорты (фр. botteforte) — сапоги со стоячими голенищами выше колѣнъ, съ раструбомъ и подкольнымъ вырѣзкою.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Гор. А, Степанъ Ильичъ! скажите ради Бога, куда вы запропастились? На что это похоже?

Частн. прист. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Гор. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга прѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частн. прист. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Гор. А Держиморда гдѣ?

Частн. прист. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Гор. А Прохоровъ пьянъ?

Частн. прист. Пьянъ.

Гор. Какъ же вы это такъ допустили?

Частн. прист. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка, — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Гор. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: кварталный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху*), чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ тельгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или просто заборъ, чортъ ихъ знаетъ откуда, и нанесутъ всякой дряни! (*Вздыхаетъ*). Да если прѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?—чтобы говорили:

*) Вѣхъ—значковый шестъ, жердь, иногда со значкомъ, съ флагомъ, пучкомъ соломы и проч.

«всѣмъ довольны, ваше благородіе», а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ-хо-хо-хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. (*Беретъ вмѣсто шляпы фуляръ*). Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію кунца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ыдемъ, Петръ Ивановичъ! (*Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный фуляръ*).

Частн. прист. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Гор. (*бросая коробку*). Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована*) сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ**) представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставить фонари подъ глазами—и правому, и виноватому. Ыдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ. (*Уходитъ и возвращается*). Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарнизъ***) надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *вбѣгаютъ на сцену*.

Анна Андр. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. (*Отворяя дверь*). Мужъ! Антоша! Антонъ! (*Говоритъ скоро*). А

*) Ассигновать (лат.)—назначать, указывать.

**) Рапортъ (фр.)—письменное донесеніе подчиненнаго своему начальству.

***) Гарнизонъ — внутренняя стража, войско, не числящееся въ полевыхъ войскахъ.

все ты, а все за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». *(Подбегаетъ къ окну и кричитъ)*. Антонъ, куда, куда? Что, приѣхалъ? ревизоръ? съ усамп? съ какими усамп?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андр. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ—полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ)*. Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашилю сзади косынку; я сейчасъ». Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдешь. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Ант. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, черезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андр. Черезъ два часа! покорнѣе благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, черезъ мѣсяць еще лучше можно узнать! *(Свѣшивается въ окно)*. Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ приѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками! Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали, да разспроси хорошенько: что за приѣзжій, каковъ онъ,—слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ,—слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсь. Такъ занавѣсь и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ *(лежитъ на барской постели)*.

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяць пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтиль*) дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ

*) Профинтиль—промотать, прогулять.

Ревизоръ*.

и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (*Дразнитъ его*). «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдь спроси самый лучшей: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшей обѣдъ». Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратипка *) простой! Съ провзажающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше — лежи весь вѣкъ на полатахъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ спорить, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: келятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступить; пойдешь на Щукинъ **) — купцы тебѣ кричатъ: «Почтенный!» на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаниі захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ ***) расскажетъ про лагеря и объявить, что всякая звѣзда значить на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредеть; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (*Усмѣхается и трясетъ головою*). Галантерейное ****), чортъ возьми, обхождение! Невѣжливога слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говорить «вы». Паскучило итти — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщеть. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь напимѣрь. А все онъ

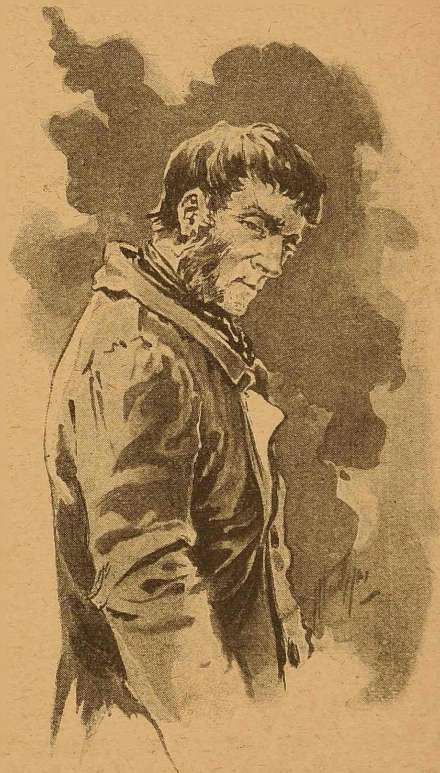
*) Коллежскій регистраторъ — первый гражданскій чинъ (XIV класса).

**) Щукинъ дворъ — торговые ряды въ Петербургѣ.

***) Такъ въ народѣ нерѣдко называютъ солдатъ.

****) Galant (фр.) — обходительный, любезный въ бесѣдѣ, приятный. *Галантерейная вѣжливость* — лакейская вѣжливость (Слов. Даля).

виновать. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!.. пошелъ кутить: ѣздить на извозникѣ, каждый день ты доставай въ келятръ билетъ, а тамъ чрезъ недѣлю, глядь — и посылаютъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ что на немъ всего останется сергучишка да шинелишка... Эй Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублѣвъ полтора ста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынокѣ спустить рублѣвъ за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего — ни по чѣмъ идутъ. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту *), въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не

Осипъ, слуга Хлестакова.

*) Невскій проспектъ — лучшая улица въ Петербургѣ.

заплатимъ? (*Со вздохомъ*). Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь ши! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлест. На, прими это (*отдаетъ фуражку и тросточку*). А, опять валялся на кровати?

Ос. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлест. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Ос. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ вапа кровать?

Хлест. (*ходитъ по комнатѣ*). Посмотри, тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ?

Ос. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлест. (*ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ*). Послушай... эй, Осипъ!

Ос. Чего изволите?

Хлест. (*громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ*). Ты ступай туда.

Ос. Куда?

Хлест. (*голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и негромкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ*). Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Ос. Да нѣтъ; я и ходить не хочу.

Хлест. Какъ ты смѣешь, дуракъ!

Ос. Да такъ, все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлест. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Ос. Еще, говорить, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ баринкомъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говоритъ, этикихъ широмяжниковъ *) и подлецовъ видали.

Хлест. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Ос. Говорить: «Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я», говорить, «шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобы на съѣзжую **), да въ тюрьму».

Хлест. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему! Такое грубое животное!

*) Обманщикъ, промышленникъ на чужой счетъ, обирала.

***) Съѣзжая, что въ наше время частный домъ (полицейскій).

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ.

Ос. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлест. На что жь хозяина? ты поди самъ скажи.

Ос. Да, право, сударь...

Хлест. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся; думаль, не пройдетъ ли аппетитъ,—нѣтъ, чортъ возьми, не проходить. Да, если бь въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлывалъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не дають въ долгъ. Это ужь, просто, подло! (Насвистываетъ сначала изъ «Роберта», потомъ: «Не шей ты мнѣ, матушки», а наконецъ—ни то, ни се). Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Сл. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлест. Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Сл. Слава Богу!

Хлест. Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Сл. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлест. Много проѣзжающихъ?

Сл. Да, достаточно.

Хлест. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе—видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Сл. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлест. Да что жь жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется, я не шутя это говорю.

Сл. Такъ-съ. Онъ говорилъ: «Я ему обѣдать не дамъ, пока мѣсть онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее». Таковъ ужь отвѣтъ его былъ.

Хлест. Да ты урезонь, уговори его.

Сл. Да что жь ему такое говорить?

Хлест. Ты растолкуй ему сурьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожь, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужь лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ*) не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади, одѣтъ въ ливрею. Какъ бы, я во-

*) Известный въ Петербургѣ экипажныхъ дѣлъ мастеръ.

ображаю, всё переполошились! «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи *), и не знаютъ, что такое значить «прикажете принять». Къ нимъ если прѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, такъ и валить, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочекѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» (*Потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой*). Тьфу! (*плюетъ*), даже тошнить, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлест. А что?

Ос. Несутъ обѣдъ

Хлест. (*прихлопывая въ ладоши и слегка подпрыгивая на стулѣ*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Сл. (*съ тарелками и салфеткой*). Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлест. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Сл. Супъ и жаркое.

Хлест. Какъ? только два блюда?

Сл. Только-съ.

Хлест. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему, что это въ самомъ дѣлѣ такое!.. этого мало!

Сл. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлест. А соуса почему нѣтъ?

Сл. Соуса нѣтъ.

Хлест. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру

*) Пентюхъ—грубый, мужиковатый, неуклюжій.

Дѣйств. II, явл. VI.

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что это такое, только не жаркое. Это топоръ зажаренный вмѣсто говядины.

двое каких-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Сл. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлест. Какъ нѣтъ?

Сл. Да ужъ нѣтъ.

Хлест. А семга, а рыба, а котлеты?

Сл. Да это для тѣхъ, которые почище-сь.

Хлест. Ахъ, ты, дуракъ!

Сл. Да-сь.

Хлест. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе провѣжающіе, какъ и я?

Сл. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Сл. Обнакновенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлест. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Наливаетъ супъ и ѣстъ*). Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Сл. Мы примемъ-сь. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

Хлест. (*защипывая рукою кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (*ѣстъ*). Боже мой, какой супъ! (*Продолжаетъ ѣсть*). Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Рѣжетъ курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Рѣжетъ жаркое*). Что это за жаркое? Это не жаркое.

Сл. Да что жъ такое?

Хлест. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ зажаренный вмѣсто говядины. (*ѣстъ*). Мошенники, каналы! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ*

зубахъ). Подлецы! Совершенно какъ деревянная кора—ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой*). Больше ничего нѣтъ?

Сл. Нѣтъ.

Хлест. Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ провѣжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлест. Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотѣлся. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Ос. (*входитъ*). Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлест. (*истулавшись*). Вотъ тебѣ па! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что жъ, если благороднымъ образомъ, я пожалуй... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (*Бодрится и выпрямляется*). Да я ему прямо скажу: «Какъ вы смѣете? Какъ вы...» (*У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съезживается*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).

Гор. (немного оправившись и протянувъ руки по швамъ). Желаю здравствовать!

Хлест. (кланяется). Мое почтеніе!..

Гор. Извините.

Хлест. Ничего...

Гор. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и веѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлест. (сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко). Да что жь дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ-за дверей). Онъ больше виноватъ: говя-

дину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ— онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по пѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жь я... Вотъ новость!

Гор. (робля). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлест. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значить на другую квартиру: то-есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете!.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ... (Бодрится). Я, я, я...

Гор. (въ сторону). О, Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все рассказали проклятые купцы!

Хлест. (храбрясь). Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду. Я прямо къ министру! (Стучитъ кулакомъ по столу). Что вы? что вы?

Гор. (вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлест. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугъ прячется). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу!

Гор. (дрожа). По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жь и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платя. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлест. Да что, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (*Въ размышленіи*). Я не знаю, однакожь, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Гор. (*въ сторону*). О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (*Вслухъ*). Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту: моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлест. Дайте, дайте мнѣ займы, я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти или хоть даже и меньше.

Гор. (*поднося бумажки*). Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлест. (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю! Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Гор. (*въ сторону*). Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я такъ ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлест. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ*). Позови сюда трактирнаго слугу! (*Къ городничему и Добчинскому*). А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь! (*Добчинскому*). Садитесь, прошу покорнѣйше.

Гор. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлест. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (*Добчинскому*). Садитесь! (*Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается*).

Гор. (*въ сторону*). Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы*): прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ.

(*Вслухъ*). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдниться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому чело-вѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ—и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлест. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Гор. (*въ сторону*). Да, рассказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (*Вслухъ*). Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлест. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Гор. (*въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое*

Дѣйств. II, явл. VIII.
Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.

*) Подпускать турусы—склонять къ чему розсказнями, подольщаться.

выраженіе). Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо остро! (*Вслухъ*). Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны неприятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлест. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу *) и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Гор. (*въ сторону*). Прошу посмотрѣть, какія пули отливаются! и старика-отца припелъ! (*Вслухъ*). И на долгое время изволите ѣхать?

Хлест. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глухъ, старый хрѣнь, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что жъ въ самомъ дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Гор. (*въ сторону*). Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ—и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше рассказать! (*Вслухъ*). Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. (*Окидываетъ глазами комнату*). Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлест. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Гор. Скажите! такой просвѣщенный гость, и тернить,

*) Орденъ Владиміра IV-й степени носятъ въ петлицѣ (пятый орденъ по степени старшинства).

отъ кого же?—отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которыми бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлест. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придеть фантазія сочинить что-нибудь—не могу: темно, темно!

Гор. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостойнъ.

Хлест. А что?

Гор. Нѣтъ, нѣтъ, недостойнъ, недостойнъ!

Хлест. Да что жъ такое?

Гор. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь—ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлест. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабацкѣ.

Гор. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепримство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человекъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлест. Покорно благодарю! Я самъ тоже—я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь*).

Сл. Изволили спрашивать?

Хлест. Да; подай счетъ.

Сл. Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

Хлест. Я уж не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

Сл. Вы изволили въ первый день спросить объѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлест. Дуракъ! еще началъ высчитывать. Всего сколько слѣдуетъ?

Гор. Да вы не извольте беспокоиться: онъ подождетъ. *(Слуга уходитъ)*. Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлест. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій)*.

ЯВЛЕНИЕ X.

Городничій, Хлестаковъ и Бобчинскій.

Гор. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то— богоугодныя и другія?

Хлест. А что тамъ такое?

Дѣйств. II, явл. X.
Городничій отдаетъ
Добчинскому записку.

Гор. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлест. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь)*.

Гор. Также, если будетъ ваше желаніе, отсюда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлест. Извольте, извольте.

Гор. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлест. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Гор. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлест. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Гор. *(Добчинскому)* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь ятъ мѣста.

Добч. Ничего, я такъ.

Гор. *(тихо Добчинскому)*. Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникъ, а другую женѣ. *(Хлестакову)*. Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлест. Да зачѣмъ же?.. А впрочемъ тутъ и чернила, только бумага—не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Гор. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя)*. А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика *) да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: неказиста на видъ, а слона повалить съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это вре-*

*) Завтракъ.

мя дверь обрывается, и подслушивавший съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Въ издающъ восклицанія. Бобчинскій подымается).

Хлест. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобч. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая наплѣпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Гор. (дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову). Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйста! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу). Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому). Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. (Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).

Анна Андреевна, жена городничаго.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).

Анна Андр. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Ант. Да, право, маменька, минуты черезъ двѣ все

узнаемъ. Ужь скоро Авдотья должна придти. (*Всматривается въ окно и вскрикиваетъ*). Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андр. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантази. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста...

Марья Антоновна, дочь городничаго.

во фракѣ... Кто жъ это? А? Это однакожь досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Ант. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андр. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ во-

образится этакое... совсѣмъ не Добчинскій. (*Машетъ платкомъ*). Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Ант. Право, маменька, Добчинскій!

Анна Андр. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

Марья Ант. А что? а что, маменька? видите, что Добчинскій.

Анна Андр. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу, — изъ чего же ты споришь? (*Кричитъ въ окно*). Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете! Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите жъ отсюда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? (*Немного отступая отъ окна, съ досадою*). Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не расскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андр. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили.

Добч. Ей-Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевести. Мое почтеніе Марья Антоновна!

Марья Ант. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андр. Ну, что? Ну, рассказывайте, что и какъ тамъ?

Добч. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андр. Ну, да кто онъ такой? генераль?

Добч. Нѣтъ, не генераль, а не уступить генералу: такое образованіе и важныя поступки-сь.

Анна Андр. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добч. Настоящій! Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андр. Ну, расскажите: что и какъ?

Добч. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андр. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не слушайте.

Добч. Да такъ, знаете, когда вельможа говорить, чувствуешь страхъ.

Анна Андр. Ну, что жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Расскажите: каковъ онъ собою? что, старъ, или молодъ?

Добч. Молодой, молодой человекъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говорить совсѣмъ такъ, какъ старикъ. «Извольте», говорить, «я поѣду и туда, и туда...» *(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. «Я», говорить, «и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ», говорить, «немножко темно».

Анна Андр. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добч. Нѣтъ, больше шантреть*), и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенъе даже приводятъ.

Анна Андр. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ)*. «Слѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Бо-

*) Искаженное французское слово — châtain — темпорусый.

жѣ, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ...» *(останавливается)*. Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добч. А это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андр. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать)*. «Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ - Дмухановскій...» Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добч. *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

Анна Андр. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку *(садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ приברי хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставь кровать, *(рукомошникъ и прочее)*.

Добч. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обзрѣваетъ.

Анна Андр. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андр. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Ант. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходить въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андр. Цвѣтное!.. Право, говоришь, лишъ бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Ант. Ахъ, маменька, вамъ неидетъ палевое!

Анна Андр. Мнѣ палевое неидетъ?

Марья Ант. Неидетъ; я, что угодно, даю, неидетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андр. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говорить! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Ант. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама!

Анна Андр. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценою).* Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что такое! *(По уходѣ ихъ открываются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ).*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Ос. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Ос. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите, скоро будетъ генераль?

Ос. Какой генераль?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Ос. Баринъ? да какой онъ генераль?

Мишка. А развѣ не генераль?

Ос. Генераль, да только съ другой стороны.

Дѣйств. III, явл. IV.
Осипъ и Мишка.

Мишна. Что жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

Ос. Больше.

Мишна. Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Ос. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишна. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустить.

Ос. Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишна. Щи, каша, да пироги.

Ос. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишна. Есть. (Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).

ЯВЛЕНИЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій съ пластыремъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.

Хлест. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Гор. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помысленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе начальства.

Хлест. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Гор. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлест. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Арт. Фил. (подбѣгая). Лабарданъ-съ *).

Хлест. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ что ли?

Арт. Фил. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлест. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Арт. Фил. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Гор. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложинься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?..» Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Арт. Фил. (въ сторону). Эка, бездѣльникъ, какъ распи-сываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

*) Лабарданъ—свѣже-просольная треска.

Хлест. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стихи выкинутся.

Бобч. (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлест. Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, общество, гдѣ бы можно было, напрямѣрь, поиграть въ карты?

Гор. (*въ сторону*). Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огорождь камешки бросаютъ! (*Вслухъ*). Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападеть, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя! Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоценное время убивать на нихъ.

Лук. Лук. (*въ сторону*). А у меня, подлець, выпонтировалъ *) вчера сто рублей.

Гор. Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлест. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Все зависитъ отъ того, съ какой стороны кто смотритъ на вещь. Если, напрямѣрь, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда, конечно!.. Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

*) Выиграть въ банкъ (карточная игра).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Гор. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.
Хлест. (*раскланиваясь*). Какъ я счастливъ, сударыня, что

Дѣйств. III, явл. VI.

Хлестаковъ: Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андр. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлест. (*рисуясь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андр. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлест. Возлѣ васъ стоять есть уже счастье; впрочемъ, если вы такъ уже непременно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сажу возлѣ васъ.

Анна Андр. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка *) показала очень неприятно.

Хлест. Чрезвычайно неприятно. Привыкли жить, *comprenez-vous* **), въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если бѣ, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней*) такъ вознаградила за все...

Анна Андр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть неприятно.

Хлест. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андр. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлест. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андр. Я живу въ деревнѣ...

Хлест. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнить съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можете быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить по плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ ***), съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тр... тр... пошелъ писать! Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассес-

*) Путешествіе.

***) *Comprenez-vous*—понимаете (фр.).

***) Департаментъ—отдѣлъ какого-либо министерства, сената, государственнаго совѣта.

соромъ *) сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ», говоритъ, «сапоги почищу». (*Городничему*). Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Вмѣстѣ | Гор. Чинъ такой, что еще можно постоять.
| Арт. Фил. Мы постоимъ.
| Лука Лук. Не извольте беспокоиться!

Хлест. Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничій и всѣ садятся*). Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: «Вонъ», говорятъ, «Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты **) и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго».

Анна Андр. Скажите, какъ!

Хлест. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, братъ Пушкинъ?»—«Да такъ, братъ», отвѣчаетъ бывало: «такъ какъ-то все»... Большой оригиналь!

Анна Андр. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлест. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволь, Норма ***). Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція гово-

*) Пятый чинъ по старшинству. Такимъ образомъ ничтожному чиновнику, каковымъ былъ Хлестаковъ, и ассессорскій чинъ представляется уже высокимъ и заманчивымъ.

***) Гауптвахта—караульня для солдатъ.

****) Фигаро—опера Моцарта, Робертъ Дьяволь—опера Мейербера, Норма—опера Беллини.

рить: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ». И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всёхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса *), Фрегатъ Надежды **) и Московскій Телеграфъ... ***) все это я написалъ.

Анна Андр. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлест. Какъ же, я имъ всёхъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ ****) даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андр. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлест. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андр. Я сейчасъ догадалась.

Марья Ант. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андр. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлест. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина, а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андр. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлест. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (Обращаясь ко всемъ). Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андр. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпиемъ даютъ балы?

Хлест. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, ар-

*) Баронъ Брамбеусъ—псевдонимъ писателя О. И. Сенковского, критика и издателя журнала «Библиотека для чтенія».

**) Романъ А. Бестужева, писавшаго подъ псевдонимомъ *Маринскій*.

***) «Московскій Телеграфъ» — журналъ, издававшійся Н. Полевымъ.

****) Извѣстный въ то время книгопродавецъ и издатель.

бузь — въ семьсотъ рублей арбузь. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ *) свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ—скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель...» Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоить... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжать тамъ, какъ шмели, только и слышно ж...ж...ж... Иной разъ и министр... (Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многие изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ бывало—нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а размотришь—просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказать, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю», говорю: «такъ и быть», говорю: «я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо остро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясеніе, все дрожитъ и трясется какъ листъ. (Городничій и прочіе трясутся отъ

*) Карточная игра.

Дѣйств. III, явл. VI.
 Хлестаковъ. ...И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры,
 курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ
 курьеровъ!

страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе). О! я шутить не люблю; я имъ всеѣмъ задаю острастку! Меня самъ государственный совѣтъ *) боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всеѣмъ: «Я самъ себя знаю, самъ». Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).

Гор. (подходя и трясясь всеѣмъ тѣломъ, силится выговорить). А ва-ва-ва... ва...

Хлест. (быстрѣмъ отрывистымъ голосомъ). Что такое?

Гор. А ва-ва-ва... ва...

Хлест. (такимъ же голосомъ). Не разберу ничего, все вздоръ.

Гор. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната и все, что нужно.

Хлест. Вздоръ—отдохнуть! Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. (Съ декламацией). Лабарданъ! лабарданъ! (Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобч. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человекъ-то! Вонъ оно что значить человекъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добч. Я думаю, чуть ли не генераль.

Бобч. А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станеть; а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ **). Слышали: государственный-то совѣтъ

*) Государственный Совѣтъ—высшее государственное учрежденіе.

***) Главнокомандующій, начальникъ всей военной силы государства.

какъ прижалъ? Пойдемъ, расскажем поскорѣе Аммосу Оedorовичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добч. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ).*

Арт. Фил. *(Дука Лукичу).* Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе! *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ зрителемъ училищъ, произнеся):* Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андр. Ахъ, какой пріятный!

Марья Ант. Ахъ, милашка!

Анна Андр. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожь, ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Ант. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андр. Пожалуйста, съ свопмъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Ант. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андр. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя, да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Ант. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда рассказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андр. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А», говоритъ себѣ: «дай ужъ посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Гор. *(входитъ на цыпочкахъ).* Чш... ш...

Анна Андр. Что?

Гор. И не радъ, что напоилъ. Ну что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? *(Задумывается).* Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человекъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣснить.

Анна Андр. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшего тона человекъ; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Гор. Ну, ужъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтипрюшки! *) Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ высѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андр. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не беспокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(Посматриваетъ на дочь).*

Гор. *(одинъ).* Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! до сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь).* Мишка! позови кварталныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія).*

*) Финтифирюлька—пустякъ, ничтожная вещичка.

Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хотя бы народъ-то ужь былъ видный, а то худенькій, тоненькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажется изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку — ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки*), что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ наконецъ и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человекъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ. (*Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами*).

Анна Андр. Подойди сюда, любезный!

Гор. Чш!.. что? что? спить?

Ос. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андр. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Ос. Осипъ, сударыня.

Гор. (*женѣ и дочери*). Полно, полно, вамъ! (*Осипу*). Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Ос. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андр. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Ос. (*въ сторону*). А что говорить? Колп теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. (*Вслухъ*). Да, бываютъ и графы.

Марья Ант. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андр. А что, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Гор. Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?..

*) Екивокъ — equivoque — двусмысленность, намекъ.

Анна Андр. А чинъ какой на твоёмъ баринѣ?

Ос. Чинъ обыкновенно какой.

Гор. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любить этакъ распекать или нѣтъ?

Ос. Да, порядокъ любить. Ужъ ему чтобы все было въ несправности.

Гор. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человекъ. Ну, что?..

Анна Андр. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?..

Гор. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человека... (*Къ Осипу*). Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогъ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Ос. (*принимая деньги*). А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человекъ, помогли ему.

Гор. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ...

Анна Андр. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Ант. Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Гор. Да постоитъ, дайте мнѣ!.. (*Къ Осипу*). А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогъ больше нравится?

Ос. Любить онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любить, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было хорошее.

Гор. Хорошее?

Ос. Да, хорошее. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человекъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Что, Осипъ, хорошо

тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородіе!» — «Э», говоритъ, «это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты», говоритъ, «напомни мнѣ, какъ прѣвду». — «А», думаю себѣ, *(махнувъ рукою)* «Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой».

Гор. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Ос. За что жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги)*. Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андр. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Ант. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова)*.

Гор. Чш! *(поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса)*. Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андр. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Гор. О, ужъ тамъ наговорять! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу)*. Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Гор. Чш! экіе косоланые медвѣди стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ тельги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держ. Былъ по приказанію...

Гор. Чш! *(закрываетъ ему ротъ)*. Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его)*. Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу)*. Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина. Все, что ни есть

въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ)*. А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожь на такого человѣка, что хочеть подать на меня просьбу, въ-защей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! *(Показываетъ ногою)*. Слышите? Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій, всѣ въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Амм. Ѳед. (*строитъ всѣхъ полукругомъ*). Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздить, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ*).

Арт. Фил. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Амм. Ѳед. А что именно?

Арт. Фил. Ну, извѣстно, что.

Амм. Ѳед. Подсунуть?

Арт. Фил. Ну, да, хоть и подсунуть.

Амм. Ѳед. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человекъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтм. Или же: «вотъ, молю, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія».

Арт. Фил. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно по одиночкѣ. да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ—чтобы и уши не слышали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается. Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Амм. Ѳед. Такъ лучше жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Арт. Фил. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лук. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте?

Арт. Фил. Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ, что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Амм. Ѳед. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей шейкѣ...

Всѣ (*пристаютъ къ нему*). Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Амм. Ѳед. Отвяжитесь, господа! (*Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣ-*

шатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются вытти, что происходитъ не безъ того, чтобы не при- тиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія):

Голосъ Бобч. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на по- гаянiе—совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! на- ко- нецъ, всеъ выбираются, и комната остается пуста).

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ (одинъ, выходитъ съ заspanными глазами).

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучить. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріят- ностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, при- знаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья (входя и останавливаясь, про-себя). Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаеть. (Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинь-Тяпкинь.

Хлест. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлест. А выгодно, однакоже, быть судьей?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (Въ сторону). А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлест. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й сте- пени ужъ не такъ.

Судья (высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону). Господа Боже! не знаю, гдѣ сажу. Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлест. Что это у васъ въ рукѣ?

Судья (потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи). Ни- чего-сь.

Хлест. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Судья (дрожа всѣмъ тѣломъ). Никакъ нѣтъ-сь! (Въ сто- рону). О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и теляжку подвезли схватить меня!

Хлест. (подымая). Да, это деньги.

Судья (въ сторону). Ну, все кончено—пропаль! пропаль!

Хлест. Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Судья (постынно). Какъ же-сь, какъ же-сь... съ боль- шимъ удовольствіемъ! (Въ сторону). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлест. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сѣ... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Судья. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усер- діемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (Приподы- мается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ). Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлест. Какого приказанья?

Судья. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлест. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Судья (*раскланиваясь и уходя; въ сторону*). Ну, городъ нашъ!

Хлест. (*по уходѣ его*). Судья—хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестановъ и почтмейстеръ (*входитъ, вытянувшись, въ мундиръ, придерживая шпагу*).

Почтм. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлест. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтм. Такъ точно-съ.

Хлест. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что жь? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтм. Совершенная правда.

Хлест. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ*), и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтм. Такъ точно-съ! (*Въ сторону*). А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлест. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтм. Такъ точно-съ.

Хлест. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтм. Совершенно справедливо.

Хлест. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (*Глядя въ глаза ему, говоритъ про-себя*): А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы. (*Вслухъ*).

*) Bon-ton (фр.)—великосвѣтскость, свѣтское приличіе.

Какой странный со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займы?

Почтм. Почему же? почту за величайшее счастье. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлест. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтм. Такъ точно-съ. (*Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу*). Не смѣю долѣе беспокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтового управленія?

Хлест. Нѣтъ, ничего.

(*Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ*).

Хлест. (*раскуривая сигарку*). Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ услужливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестановъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади него слышенъ голосъ почти вслухъ: «Чего робѣешь?»

Лука Лук. (*вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу*). Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлест. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подаетъ ему сигару*).

Лука Лук. (*Про-себя, въ нерѣшимости*). Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлест. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка—просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. (*Подаетъ ему свѣчу*).

Лука Лук. *пробуетъ закурить и весь дрожитъ*.

Хлест. Да не съ того конца!

Лука Лук. *(отъ испуга выронилъ спару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про-себя)*. Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлест. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушнъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся—брюнетки или блондинки?

Лука Лук. *находится въ совершенномъ недоумѣнн, что сказать*.

Хлест. Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лук. Не смѣю знать.

Хлест. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непременно вашъ вкусъ.

Лука Лук. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону)*. Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлест. А! а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лук. *молчитъ*.

Хлест. А! а! покраснѣли! Видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лук. Оробѣлъ, ваше бла... преос... сят... *(Въ сторону)*. Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

Хлест. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю. что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лук. Такъ точно-съ.

Хлест. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ со-всѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей займа?

Лука Лук. *(хватаясь за карманы, про-себя)*. Вотъ - те штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаци)*.

Хлест. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лук. Не смѣю долѣе беспокоить присутствіемъ

Хлест. Прощайте.

Лука Лук. *(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону)*. Ну, слава Богу! авось не заглянегъ въ классы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, *вытянувшись и придерживая шагу*.

Арт. Фил. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлест. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Арт. Фил. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлест. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Арт. Фил. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлест. Я, — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню.—Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Арт. Фил. Очень можетъ быть. *(Помолдавъ)*. Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса)*. Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами, — конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго.

Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всё, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлест. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Арт. Фил. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ *), и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлест. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ приятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Арт. Фил. Земляника.

Хлест. А, да! Земляника. И что жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Арт. Фил. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлест. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Арт. Фил. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлест. Да, какъ ихъ зовутъ?

Арт. Фил. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлест. Это хорошо.

Арт. Фил. Не смѣя беспокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... (*Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти*).

Хлест. (*провожая*). Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно,

*) Слово якобинецъ употреблялось у насъ въ значеніи опаснаго человѣка своимъ образомъ мыслей, злоумышленника противъ существующаго порядка. *Якобинцы*—члены политическаго клуба, образовавшагося во Франціи (въ Версали) въ 1780 г., были врагами существующаго государственнаго порядка.

что вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему*). Эй вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Арт. Фил. Артемій Филипповичъ.

Хлест. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ займа — рублей четыреста?

Арт. Фил. Есть.

Хлест. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобч. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добч. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлест. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобч. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлест. Хорошо, что присохъ. Я радъ... (*Вдругъ и отпрысисто*). Денегъ нѣтъ у васъ?

Бобч. Денегъ? какъ денегъ?

Хлест. Займы рублей тысячу.

Бобч. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Бобч. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія *).

*) Приказъ общественнаго призрѣнія, до преобразованія государственнаго банка, между прочимъ, производилъ и банковыя операціи по ссудѣ денегъ, храненію капиталовъ и проч.

Хлест. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.
 Бобч. (*шаря въ карманахъ*). У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.
 Добч. (*смотря въ бумажникъ*). Двадцать пять рублей всего.
 Бобч. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У

Дѣйств. IV, явл. VII.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ!

васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добч. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлест. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. (*Приммаетъ деньги*).

Добч. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлест. А что это?

Добч. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлест. Да?

Добч. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлест. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добч. Я бы и не беспокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные расскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобч. Да, большія способности имѣеть.

Хлест. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобч. Какъ же имѣю, очень низкайшую просьбу.

Хлест. А что, о чемъ?

Бобч. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлест. Очень хорошо.

Бобч. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлест. Очень хорошо.

Добч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлест. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (*Выпровожаютъ ихъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ (*одинъ*).

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожь, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка и обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки—пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! (*Осипъ выляннулъ изъ дверей, произнесши: «сейчасъ»*). А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадить для словца, и деньгу тоже любить. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста... шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитанъ, ну-ка, понадишь-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и Осипъ (*съ чернилами и бумагою*).

Хлест. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? (*Начинаетъ писать*)

Ос. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлест. А что?

Ос. Увѣжайте отсюда! Ей Богу, уже пора!

Хлест. (*пишетъ*). Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Ос. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька,—ну, и довольно! Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровень часъ: какой-нибудь другой найдетъ... ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя—такъ бы закатали!..

Хлест. (*пишетъ*). Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Ос. Да что завтра! Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе: вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатали славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлест. (*пишетъ*). Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и дорожную возьми. Да зато смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря*), катили и пѣсни бы пѣли!.. (*Продолжаетъ писать*). Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Ос. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлест. (*пишетъ*). Хорошо, принеси только свѣчу.

Ос. (*выходитъ и говоритъ за сценой*). Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а

* Особый разрядъ курьеровъ, отправляемыхъ съ бумагами или приказаніями отъ государя или высшихъ властей. (Нѣм. слово).

прогону *), скажи, баринъ не плотить: прогонъ, моль, скажи, казенный. Да чтобы все живѣе, а не то, моль, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлест. *(продолжаетъ писать)*. Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ—въ Почтамтской или Гороховой? **) Онъ вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ)*.

Ос. *принимаетъ свѣчу*. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды: «Куда дѣвешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать».

Хлест. *(даетъ Осипу письмо)*. На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается)*.

Хлест. Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

Ос. *(глядя въ окно)*. Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно васъ хотятъ видѣть.

Хлест. *(подходя къ окну)*. А что вы, любезные?

Голоса купц. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажете, государь, просьбу принять.

Хлест. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ. Хлестаковъ принимаетъ изъ окна просьбы, разворачиваетъ одну изъ нихъ и читаетъ)*. «Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...» Чортъ знаетъ, что: и чина такого нѣтъ!

*) Прогонъ—поверстная плата, за каждую лошадь, съ проезжающихъ на почтовыхъ по подорожной.

**) Названія улицъ въ Петербургѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы *(съ кузовомъ вина и сахарными головами)*.

Хлест. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлест. А что вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлест. Отъ кого?

Одинъ изъ купц. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ посту-

пасть. Схватить за бороду, говорить: «Ахъ, ты, татаринъ!» Ей Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платьѣ супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало—ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говорить: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ». Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлест. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его заводишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянъ беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запускитъ. Именины его бывають на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говорить, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлест. Да это, просто, разбойникъ!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. «Я тебя», говорить, «не буду», говорить, «подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это», говорить, «запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!» *).

Хлест. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

*) Утонченный видъ пытки, во время которой страдающій отъ жажды, само-собою разумѣется, давалъ согласіе городничему на всѣ его притязанія и требованія.

Хлест. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ займы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги)*. Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлест. Извольте: займы—я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносе деньги)*. Хлест, пожалуйста, и подносики вмѣстѣ возьмите.

Хлест. Ну, и подносики можно.

Купцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлест. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Ос. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогъ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? вервочка? Давай и вервочку,—и вервочка въ дорогъ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хотъ въ петлю полѣзай.

Хлест. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ)*. *Слышенъ голосъ женщины*: «Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!»

Хлест. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну)*. А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлест. *(въ окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слес. (кланяясь въ ноги). Милости прошу...

Унт.-оф. Милости прошу...

Хлест. Да что вы за женщины?

Унт.-оф. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слес. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлест. Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слес. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлест. А что?

Слес. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлест. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слес. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобъ ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянющка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся *) къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подслала къ супругѣ полотно три штуки, такъ онъ ко мнѣ. «На что», говоритъ, «тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится». Да я-то знаю—годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой. «Онъ», говоритъ, «воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно», говоритъ, «онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ

*) Присыкнуться — поддѣлаться, пристать. (Присыкивать — приговаривать частіцу съ).

Дѣйств. IV, явл. XI.

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высокъ, батюшка!

возьмутъ въ рекруты». Да мнѣ-то какво безъ мужа, мошенникъ такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлест. Хорошо, хорошо! Ну, а ты? (*Вытровождаетъ старуху*).

Слес. (*уходя*). Не забудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унт.-оф. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлест. Ну да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унт.-оф. Высѣкъ, батюшка!

Хлест. Какъ?

Унт.-оф. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отапортовали: два дни сидѣть не могла.

Хлест. Такъ что жъ теперь дѣлать?

Унт.-оф. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафъ *). Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлест. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь. (*Въ окна высовываются руки съ просьбами*). Да кто тамъ еще? (*Подходитъ къ окну*). Не хочу, не хочу! Не нужно! не нужно! (*Отходя*). Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Ос. (*кричитъ въ окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! (*Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ*). Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (*Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь*).

*) Искаженіе иностраннаго слова; характеризуетъ ту среду, гдѣ оно вращается.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Ант. Ахъ!

Хлест. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Ант. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлест. (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлось ли спросить васъ: куда вы намѣрены были итти?

Марья Ант. Право, я никуда не шла.

Хлест. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Ант. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлест. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли.

Марья Ант. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлест. (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принести удовольствіе.

Марья Ант. Вы говорите по-столичному.

Хлест. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Ант. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было итти. (*Сла*).

Хлест. Какой у васъ прекрасный платочекъ.

Марья Ант. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлест. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Ант. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода!

Хлест. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода?

Марья Ант. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ *). Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлест. Для васъ, сударыня, все что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Ант. Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

Хлест. Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Ант. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлест. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

Марья Ант. Я очень люблю ихъ...

Хлест. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ...» **) ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*Придвигая стулъ*).

Марья Ант. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (*Отдвигаетъ стулъ*).

Хлест. Отчего жъ вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Ант. (*отдвигаясь*). Для чего жъ близко? все равно и далеко.

Хлест. (*придвигаясь*). Отчего жъ далеко? все равно и близко.

Марья Ант. (*отдвигается*). Да къ чему жъ это?

Хлест. (*придвигаясь*). Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко...

Марья Ант. (*смотритъ въ окно*). Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорѣка или другая какая птица?

*) Манія на альбомы, въ которые вписывались знакомыми свои или чужіе стихи, изреченія, или же набрасывались рисунки на память о себѣ, была въ большой модѣ у насъ почти во всю первую половину оканчивающагося столѣтія.

**) *Ода изъ книги Гога* — стихотвореніе Ломоносова.

Хлест. (*цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно*). Это сорѣка.

Марья Ант. (*встаетъ въ изгодованіи*). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!...

Хлест. (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Ант. Вы почитаете меня за такую провинціалку... (*Силится уйти*).

Хлест. (*продолжая удерживать ее*). Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. (*Падаетъ на колѣни*). Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андр. (*увидя Хлестакова на колѣняхъ*). Ахъ, какой пассажъ!

Хлест. (*вставая*). А, чортъ возьми!

Анна Андр. (*дочери*). Это что значить, сударыня? Это что за поступки такіе!

Марья Ант. Я, маменька...

Анна Андр. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. (*Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ*). Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлест. (*въ сторону*). А она тоже очень не дурна. (*Бросается на колѣни*). Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андр. Какъ! вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ не чистъ.

Хлест. Нѣтъ, на колѣняхъ, непременно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть!

Дѣйств. IV, явл. XIII.
Анна Андреевна. Ахъ, какой пасажъ!

Анна Андр. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію*) насчетъ моей дочери.

Хлест. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ! Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я не достоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андр. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлест. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: «Законы осуждаютъ»**). Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна (вдругъ вбѣгаетъ).

Марья Ант. Маменька, папенька сказали, чтобы вы... (Увидя Хлестакова на колыняхъ, вскрикиваетъ:) Ахъ, какой пасажъ!

Анна Андр. Ну что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумиѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Ант. (сквозь слезы). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андр. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ раз-

*) Déclaration (фр.)—объявление.

***) Стихотвореніе Карамзина въ повѣсти его «Островъ Борнгольмъ». (Старинный романсъ).

гуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе—передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлест. (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андр. (*съ изумленіемъ*). Такъ вы въ нее?..

Хлест. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андр. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дрянн, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну вотъ, право, стѣдтъ, чтобы я нарочно отказала: ты не достойна такого счастья.

Марья Ант. Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій (*впотьмахъ*).

Гор. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлест. Что съ вами?

Гор. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на-половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша нагала вамъ, будто-бы я ее высѣлъ; она вретъ, ей-Богу, вретъ. Она сама себя высѣла.

Хлест. Провались унтеръ-офицерша—мнѣ не до нея!

Гор. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакое ребенокъ не повѣрять. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андр. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ

насъ Иванъ Александровичъ? Онъ просить руки нашей дочери.

Гор. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью; такова же была и мать ея.

Хлест. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Гор. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андр. Да когда говорятъ тебѣ?

Хлест. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Гор. Не смѣю вѣрить, не достоинъ такой чести.

Хлест. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Гор. Не могу вѣрить: извольте шутить, ваше превосходительство.

Анна Андр. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Гор. Не могу вѣрить.

Хлест. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Гор. Ахъ, Боже мой! Я, ей-ей, не виноватъ, ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андр. Ну, благословляй!

Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.

Гор. Да благословить васъ Богъ! а я не виноватъ. (*Хлестаковъ цѣлуетъ съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ*). Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! (*Протираетъ глаза*). Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ! (*Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости*). Ай Антонъ! Ай Антонъ! Ай городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлест. А, хорошо... я сейчасъ.

Гор. Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлест. Да, ѣду.

Гор. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлест. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ—богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Гор. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлест. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька. *(Цѣлуетъ ея ручку).*

Гор. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлест. О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ).* А впрочемъ, пожалуй.

Гор. Сколько угодно вамъ?

Хлест. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Гор. Сейчасъ! *(Вынимаетъ изъ бумажника).* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.Хлест. А, да! *(Беретъ и разматриваетъ ассигнаци).* Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Гор. Такъ точно-съ.

Хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепрѣимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго прѣема. Прощайте,

Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! *(Выходятъ).*

За сценой.

Голосъ Хлест. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ гор. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлест. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болить отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ гор. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлатъ, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлест. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть дають коврикъ.

Голосъ гор. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучший,—что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ гор. Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлест. Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по коврику).* Теперь садитесь, ваше благородіе.

Голосъ Хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ гор. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлест. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна
и Марья Антоновна.

Гор. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ *), канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ

*) Приобрѣтеніе, завоеваніе.

въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Гор. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постои же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ и ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постоите жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писаекъ, писаекъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали: что, вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андр. Естественно, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Гор. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь, я думаю, городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андр. Естественно, что за городничество!

Гор. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большою чинь зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что современемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андр. Еще бы! конечно, можно.

Гор. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію *) повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую **)?

Анна Андр. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Гор. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: «лошадей!» И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*). Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андр. Тебѣ все такое грубое правится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣдишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Гор. Что жъ? вѣдь слово не вредить.

Анна Андр. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Гор. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андр. Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре ***) , чтобъ нельзя было войти,

*) Кавалерія, въ просторѣчьи, въ смыслѣ знака отличія, ордеца.

**) Орденъ св. Анны первой степени—звѣзда съ красной лентой, Бѣлаго орла—съ голубой.

***) Благовонное вещество, извѣстный сортъ духовъ, отличающееся рѣзкимъ и не скоро выдыхающимся запахомъ.

и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Гор. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравія желаемъ, батюшка!

Гор. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андр. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Гор. (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. «Мы», говоритъ, «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сбьютъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и завважничаль! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важ-

Дѣйств. V, явл. II.
Городничій. Чтѣ, самоварники, аршинники, жаловаться?

иначе! Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Гор. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! *) Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь.— Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталь. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Гор. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?—оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Гор. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!» а прежде что? Я бы васъ... (*махнувъ рукой*). Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбоариться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! (*Купцы уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Федоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растановскій.

Амм. Фед. (*еще въ дверяхъ*). Вѣрять ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастье?

*) Чпшовники, военные и дворяне въ то время бородъ не носили; она оставалась какъ бы принадлежностью крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, потому и является она здѣсь предметомъ укоризны со стороны городничаго.

Арт. Фил. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастьемъ! Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны*). Марья Антоновна!

Растаковскій (*входитъ*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, п дасть вамъ потомство многочисленное, внучать и правнучать! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Кор. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ*).

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастьемъ.

Люл. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, шепкаетъ языкомъ съ видомъ удалства*). Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. (*Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удалствомъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинскій и Добчинскій (*проталкиваются*).

Бобч. Имѣю честь поздравить!

Добч. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобч. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добч. Анна Андреевна!

Бобч. Анна Андреевна! (*Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами*).

Добч. Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ*). Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастьи, въ золотомъ платьѣ ходитъ и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобч. (*перебивая*). Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонъ этакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, подходящихъ къ ручкамъ, Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лук. Имѣю честь...

Жена Луки Лук. (*бѣжитъ впередъ*). Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*Цѣлуются*). А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку». — «Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастье Аннѣ Андреевнѣ!» «Ну», думаю себѣ, «слава Богу!» И говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъяснить лично Аннѣ Андреевнѣ...» «Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ: «Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканчикъ», говорю, «я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются».

Гор. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! (*Гости садятся*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же. частный приставъ и квартальные.

Частн. пр. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта!

Гор. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! (*Гости усаживаются*).

Амм. Ѳед. Но скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Гор. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственлично сдѣлать предложеніе.

Анна Андр. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говорить: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ». И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ!—«Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь—копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества».

Марья Ант. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андр. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь». Въ такихъ лестныхъ рассыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: «Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь», онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою».

Марья Ант. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андр. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Гор. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. «Застрѣлюсь, застрѣлюсь!» говорить.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Амм. Ѳед. Экая штука!

Лука Лук. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Арт. Фил. Не судьба, батюшка, судьба—индѣйка: заслуги привели къ тому. (*Въ сторону*). Этакой свинѣ лѣзеть всегда въ ротъ счастье!

Амм. Ѳед. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Гор. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Амм. Ѳед. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Гор. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андр. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Гор. Испросить благословенія; но завтра же... (*Чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ*). Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... (*Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышныя другихъ голоса*):

Частнаго пр. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

Арт. Фил. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробк. Чортъ тебя побери!

Гор. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того жъ желаю.

Анна Андр. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая неприятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Гор. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лук. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Амм. Фед. Большому кораблю—большое плаванье.

Арт. Фил. По заслугамъ и честь.

Амм. Фед. (въ сторону). Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Арт. Фил. (въ сторону). Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно! (Обращаясь къ нему). Тогда, Антоновъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Амм. Фед. И если что случится, на примѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію*), мѣсто отца заступите сироткѣ.

Гор. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андр. Ты, Антоша, всегда готовъ общаться. Впервые, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять такими общаніями?

Гор. Почему жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андр. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ***) насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

*) Покровительство.

**) Трактовать (лат.)—обходиться безъ уваженія.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ (впояхавъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ руки).

Почтм. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ!

Почтм. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Гор. Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: «въ Почтамтскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно нашель безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Гор. Какъ же вы?..

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила.

Дѣйств. V, явл. VIII.

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа!

Гор. Какъ же вы?..

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила.

Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобъ отправить его съ эшпаетой *); но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянеть, такъ вотъ и тянеть! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица»; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожать, и все помутилось.

Гор. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный, и не особа!

Гор. Чтò жъ онъ по-вашему такое?

Почтм. Ни сѣ, ни то; чортъ знаетъ, чтò такое!

Гор. (запальчиво). Какъ ни сѣ, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтм. Кто? вы?

Гор. Да, я!

Почтм. Коротки руки!

Гор. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

Почтм. Эхъ, Антошъ Антоновичъ! чтò Сибирь — далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтм. (читаетъ). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физиономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генераль-губернатора. И я теперь живу у городни-

*) Извѣстіе или письмо, посланное не по почтѣ, а съ особымъ парочнымъ.

чаго, жуирую *), волочусь напропалую за его женой и дочкой... Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другою оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...»

Гор. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтм. (показываетъ письмо). Читайте сами.

Гор. (читаетъ). «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтм. Какъ же бы я сталъ писать?

Арт. Фил. Читайте!

Лука Лук. Читайте!

Почтм. (продолжая читать). «Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...»

Гор. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтм. (продолжая читать). Хм... хм... хм... хм... «сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...» (Оставляя читать). Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Гор. Нѣтъ, читайте!

Почтм. Да къ чему жъ?..

Гор. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Арт. Фил. Позвольте, я прочтало. (Надѣваетъ очки и читаетъ): «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также, подлець, пьетъ горькую».

Почтм. (къ зрителямъ). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

*) Fr. jouer — весело, беззаботно проводить время, наслаждаться удовольствіями.

Арт. Фил. *(продолжая читать)*. «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и... и...» *(закрываетъ)*.

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Арт. Фил. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Кор. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо)*.

Арт. Фил. *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Кор. Да позвольте, ужъ я знаю.

Арт. Фил. Прочитать, я и самъ прочитаю: дайте, право, все разборчиво.

Почтм. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину)*. Читайте.

Арт. Фил. Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо)*. Вотъ позвольте... *(закрываетъ пальцемъ)*. Вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему)*.

Почтм. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Кор. *(читая)*. «Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ».

Арт. Фил. *(къ зрителямъ)*. И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Кор. *(продолжаетъ читать)*. «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лук. *(къ зрителямъ)*. Ей Богу, я въ ротъ никогда не бралъ луку!

Амм. Фед. *(съ стороны)*. Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Кор. *(читаетъ)*. «Судья...»

Амм. Фед. Вотъ тебѣ на!.. *(Вслухъ)*. Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянъ этакую читать!

Лука Лук. Нѣтъ!

Почтм. Нѣтъ, читайте!

Арт. Фил. Нѣтъ, ужъ читайте!

Кор. *(продолжаетъ)*. «Судья Ляпкинь-Тяпкинь въ сильнѣйшей степени моветонъ*)...» *(Останавливается)*. Должно быть французское слово.

Амм. Фед. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть и того еще хуже.

Кор. *(продолжая читать)*. «А впрочемъ, народъ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ, Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу: точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)*. Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домъ подъ номеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репримантъ**) неожиданный!

Гор. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убить, убить, совсѣмъ убить! Ничего не вижу: вижу какія-то свинныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою)*.

Почтм. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!***)

Амм. Фед. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Арт. Фил. У меня тоже триста рублей.

Почтм. *(вздыхаетъ)*. Охъ! и у меня триста рублей.

Бобч. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

*) Mauvais-ton—мужество, неучтивость (фр.).

**) Укоръ, упрекъ, выговоръ (фр.).

***) Confusion—стыдъ, смущеніе (фр.).

Амм. Фед. (в недоумѣніи разставляетъ руки). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Гор. (бьетъ себя по лбу). Какъ я,—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ кунаецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Чтѣ губернаторовъ! (махнувъ рукой) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Гор. (въ сердцахъ). Обручился! кукишъ съ масломъ—вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (Въ изступленіи). Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! (Грозитъ самому себя кулакомъ). Эхъ, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаешь колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище—найдется щелкоперъ, бумагомарака *), въ комедію тебя вставить. Вотъ чтѣ обидно! Чина, званія не пощадить, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣтесъ? надъ собою смѣтесъ!.. Эхъ, вы!.. (Стучитъ со злости ногами объ полъ). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ мукѣ бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туды ему!.. (Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукѣмъ въ полъ).

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ.

*) Щелкоперъ, бумагомарака—подъ этими словами городничій разумѣетъ писателя.

Ну, чтѣ было въ этомъ вертопрахѣ *) похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Арт. Фил. (разставляя руки). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Амм. Фед. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).

Бобч. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добч. Я ничего, совсѣмъ ничего..

Арт. Фил. Конечно, вы.

Лука Лук. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не плотить!..» Нашли важную птицу!

Гор. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Фил. Чтѣбъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и рассказами.

Гор. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Амм. Фед. Пачкуны проклятые!

Лука Лук. Колпаки!

Арт. Фил. Сморчки короткобрюхіе! (Всѣ обступаютъ ихъ).

Бобч. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добч. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобч. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жанд. Пріѣхавшій по именному **) повелѣнію изъ Пе-

*) Вертопрахъ—вѣтренникъ, неосновательный человѣкъ.

**) Т.е. по высочайшему.

тербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ.)

Нѣмая сцена.
Дѣйств. V, явленіе послѣднее.

Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи).

Нѣмая сцена.

Городничій по серединѣ, въ видѣ столба, съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеніемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившіяся одна къ другой, съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго; Земляника, наклонившій голову нѣсколько на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движеніе губами, какъ бы хотѣлъ пошутить или произнести: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и поджимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самого края сцены, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ІМЕНІ П. П. МАНЮКОВА

ДВѢ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЯ КАКЪ ЗАМЕДЛЯВ-
ШІЯ ТЕЧЕНІЕ ШЕСЫ.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Ант. Но я не знаю, маменька, отчего вамъ ка-
жется, что у васъ лучше всего глаза...

Анна Андр. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня,
толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ
такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала
все платье изъ Москвы,—бывало мнѣ нѣсколько разъ повто-
ряетъ: «Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ
эту тайну, отчего ваши глаза просто говорятъ...» И всѣ
бывало въ одинъ голосъ: «Съ вами, Анна Андреевна, до-
вольно побыть минуту, чтобъ отъ вашей любезности поза-
быть всѣ обстоятельства». А стоявшій въ это время штабъ-
ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за
ремонтъ, что ли. Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ,
какъ я не знаю что; глаза черные, черные, а воротнички
рубашки его—это батистъ такой, какого никогда еще купцы
наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ гово-
рилъ: «Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не
видалъ, но не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю,
что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...» На мнѣ еще
тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными
листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тон-
кою, не больше какъ въ палець,—это, просто, было обво-

роженіе! Такъ говорить, бывало: «Я, Анна Андреевна, та-
кое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое
сердце» говорить... Я ужъ не могу теперь припомнить, что
онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую под-
нялъ исторію: хотѣлъ непременно застрѣлиться, да какъ-то
пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты,
его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Ант. Я не знаю, маменька,—мнѣ однакожъ ка-
жется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, не-
жели глаза.

Анна Андр. Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя ска-
зать. Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Ант. Нѣтъ, право, маменька: когда вы этакъ го-
ворите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андр. Пожалуйста не толкуй пустяковъ! Такая,
право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила...
Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ
ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами я забол-
талась съ тобой. А тутъ того и гляди, что онъ пріѣдетъ и
застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ какъ. (*Постынно
уходитъ; за ней Марья Антоновна.*)

II.

Хлестаковъ и Растановскій (въ екатерининскомъ мундирѣ съ эксель-
бантомъ).

Раст. Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго
города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растановскій.

Хлест. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я
очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Раст. (*стыль*). А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлест. Какого Задунайскаго?

Раст. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлест. Да... такъ вы служили давно?...

Раст. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 1773 году. Очень жаркое было дѣло! Турокъ было вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку,—не изволили вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлест. Гвоздевъ? Какой это?

Раст. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлест. Нѣтъ, не знаю.

Раст. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлест. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Раст. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ.—Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ! Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генераль-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: «Ты», говоритъ, «не Сихфридъ, а Супъ,—такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ». И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлест. Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы повпросить у васъ...

Раст. *(не слушая)*. Видный мужчина: русый волосъ, золотой эксельбантъ. Ловко танцевалъ польскій. Хлопнетъ бывало рукою, и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе!... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньцкъ выводить, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе!... и португея виситъ... хе, хе, хе...

Хлест. Да подобная этой исторіи была съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служить. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полку, и говорить... *(Останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому)*. Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Раст. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлест. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Раст. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

Хлест. А что, о чемъ?

Раст. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ или кому другому.

Хлест. Извольте, извольте.

Раст. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлест. А какъ давно вы подавали просьбу?

Раст. Да если сказать правду, не такъ и давно, — въ 1801 году; да вотъ уже тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина Ивана Петровича,

который ѣхать тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человекъ. Такъ статья можетъ, что просьбу отнесъ-то не туды, куды слѣдуетъ. А оно, правда, уже не много и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало-быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлест. Да, натурально, теперь рѣшать скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

ПОСЛѢ

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ КОМЕДІИ *).

Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галереи; посрединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны—выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій.

Авторъ пьесы **) (*выходя*). Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!... Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы встрепенулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзкомысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь, наконецъ, что рукоплесканья еще не много значать и готовы служить

*) Н. В. Гоголь въ «Театральномъ разѣздѣ» высказываетъ замѣчательно глубокія мысли о комедіи и комическомъ изображеніи жизни, вызванныя разнообразными толками по поводу его «Ревизора». вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, съ свойственнымъ ему мастерствомъ, рисуетъ цѣлую галерею портретовъ, которые являются представителями едва ли не всѣхъ сословій петербургскаго общества современной «Ревизору» эпохи. («Ревизоръ» былъ впервые поставленъ на сценѣ въ апрѣлѣ 1836 г.) *Ред.*

**) Само собою разумѣется, что авторъ пьесы лицо идеальное: въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ,—комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей. *Авт.*

всему наградою: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы—все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галерею, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣйственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ влияньемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже имѣетъ право, всякаго званья человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство править устами его, пристрастье, негодованье, ненависть—все, что угодно, но пусть только прозвучатъ эти толки. Не можетъ безъ причины прозвучитъ слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ снѣгахъ во все время разлѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой пьесѣ: человѣкъ, подъ влияньемъ перваго впечатлѣнія, всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону. Показываются нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому):* «Выйдемъ лучше теперь: играть будетъ незначительный водевиль». *(Оба уходятъ).*

Два comme il faut *), плотнаго свойства, сходятъ съ лестницы.

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиція не да-

*) *Comme il faut*—прилично, пристойно.

леко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нѣтъ, а очень недурна.

Перв. comme il faut. Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ вчера намъ подаль свѣжій зеленый горохъ *(цѣлуетъ концы пальцевъ)*—прелестъ. *(Уходятъ оба).*

Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку.

Друг. офицеръ. Да останемся.

Перв. офицеръ. Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины—уродъ на уродѣ. *(Уходятъ).*

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый *(сходя съ лестницы).* Плутъ портной претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. *(Уходитъ).*

Тоже свѣтскій чел., поплотнѣе *(говоритъ съ живостью другому).* Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтора ста рублей рoberъ *) онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шурина мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ пьесы *(про себя).* И все еще ни слова о комедіи!

Чиновникъ средних лѣтъ *(выходя съ растопыренными руками).* Это, просто, чортъ знаетъ что такое!.. Этакое!.. Этакое!.. Это ни на что не похоже. *(Ушелъ).*

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы *(обращаясь къ другому).* Вѣдь это, однакожь, кажется, переводъ?

Другой. Помилуйте, что за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

Госп., безз. насчетъ лит. Я помню, однакожь, было что-то

*) Нѣсколько сыгранныхъ партій *(въ карточной игрѣ).*

на французскомъ, но не совсѣмъ въ этомъ родѣ. (Оба уходятъ).

Одинъ изъ двухъ зрителей (*также выходящихъ вонъ*).

Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеша *).

Одна (*другой*). Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша (*дѣлая значительныя движенія губами*). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... (*Утвердительно сжимая губами*). Да, да! (*Уходятъ*).

Авторъ (*про себя*). Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однакоже будутъ: я вижу, впереди, горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Первый. Я еще никогда такъ не смѣлся.

Второй. Я полагаю: отличная комедія.

Первый. Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ: надо подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! (*Толкаетъ его подъ руку*).

Второй. Что?

Первый (*указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ съ лѣстницы*). Литераторъ!

Второй (*торопливо*). Который?

Первый. Вотъ этотъ. Чш! послушаемъ, что будутъ говорить.

Второй. А другой кто съ нимъ?

Первый. Не знаю; неизвѣстно какой человѣкъ. (Оба офицера посторониваются и даютъ имъ мѣсто).

Неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относи-

*) Модное въ то время верхнее мужское платье (сюртукъ на ватѣ съ меховымъ воротникомъ).

тельно литературнаго достоинства; но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ. Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго? Что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ? Шутки самыя плоскія; просто, даже сально!

Неизв. как. чел. А, это дѣло другое. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что піеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литер. Да и не смѣшна. Помилуйте, что жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій, все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизв. как. чел. Ну, да, противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литер. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, что за разговорный языкъ? Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизв. как. чел. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

Литер. Ну, а вы еще хвалите!

Неизв. как. чел. Кто жъ хвалить? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что піеса — вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. (Оба уходятъ).

Еще литераторъ (*входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымиговоритъ, размахивая руками*). Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная піеса! грязная, грязная піеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все—карикатуры! *) Въ натурѣ нѣтъ этого; повѣрьте мнѣ, нѣтъ; я лучше это знаю:

*) Карикатура — изображеніе чего-либо въ извращенномъ, смѣшномъ видѣ.

я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюдение... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятелл, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а пьеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Последняя пустѣйшая комедійка Коцебу *) въ сравненіи съ нею—Монбланъ **) передъ Пулковскою ***) горою. Я это имъ всёмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, наиримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ?—Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. (*Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями*).

Оба офицера *подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста.*

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно смотрѣть.

Второй. Да, вѣдь, ты же говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

Первый. А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ надо растолковать. Тутъ что въ этой пьесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенія рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ *позади.*

Одинъ (*другому*). Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

*) Плодовитый нѣмецкій драматическій писатель (+ 1819 г.), самыми разнообразными пьесами котораго одно время была наводнена русская сцена.

**) Высочайшая горная вершина въ Европѣ—14,700 ф. выш.

***) Пулкова гора въ 17 верст. отъ Петербурга, 232 ф.; на ней находится знаменитая Пулковская обсерваторія.

Другой, *заглянувъ съ боку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.*

Первый. Что, глупъ?

Второй. Нѣтъ, не то, чтобы... У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего. Но однакожь пойдёмъ. (*Уходятъ*).

Два любителя искусствъ.

Первый. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такіа слова большею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостинныхъ, а допускаются только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно, нѣтъ завязки.

Второй. Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ взглянуть пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремление достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества или, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ пьесѣ завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ пьесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди просто-душно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка?—точно узелокъ на уголѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массой, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно

или два,—коснутся того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими?

Второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣе и сильнѣе движутся, ихъ можно только назвать главными; но править пьесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза вдушаго вдали закона...

Первый. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе всеобщее.

Второй. Да развѣ это не есть ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такую показала ее самъ отецъ ея, Аристофанъ*). Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій (*подходя и слегка ударивъ второго по плечу*). Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй. Я и не говорю, чтобъ она не могла войти. Но и любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій. Стало-быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

*) Величайшій греческій комикъ (въ V в. до Р. X.).

Второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуетъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (*подходя*). Что можетъ послужить прекрасному? и о чемъ у васъ толки?

Первый. Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

Четвертый. А вотъ что скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшнаго, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія.

Третій. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало-быть, не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей.

Четвертый. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобы не вмѣшивать начальства. Оно непремѣнно явится, точно неизбежный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй. Ну, видите: стало-быть, это уже что-то невольное у наших комиковъ. Стало-быть, это составляетъ какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключается какая-то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое—быть представителемъ Провидѣнья на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедія возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше о толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. *(Уходятъ).*

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей *появляются одинъ за другимъ.*

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, что есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему приведетъ это?—вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ?—вотъ что разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности подобныхъ представленій. *(Уходитъ).*

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значить выставить въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто, даже не слѣдуетъ дозволить такихъ представленій. *(Уходитъ).*

Входятъ господинъ А. и господинъ Б., *люди немаловажныхъ чиновъ.*

Господинъ А. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленія намъ надо показывать; надо, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ черезчуръ разгорячившихся патриотовъ; но только

мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчанія одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ подлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А. Кто?

Господинъ Б. Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему).* Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю піесу, и, признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою являются низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ кресель до райка, надѣтая имъ маска; и послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не надо выводить этого на сцену. Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія?»

Господинъ А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Оч. скр. од. чел. Что скажетъ народъ? *(Посторанивается; проходятъ двое въ армякахъ).*

Синій армякъ сърому. Небось, приткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ).*

Оч. скр. од. чел. Вот что скажетъ народъ, вы слышали?
Госп. А. Что?

Оч. скр. од. чел. Скажетъ: «Небось, пряткіе были воеводы, а всё поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да, для него нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно достигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія, съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: «народъ получить дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ». То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глуше бревна,—глушымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только

исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Госп. А. Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точь въ точь такіе люди?

Оч. скр. од. чел. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ вопросъ: «Неужели существуютъ такіе люди?» Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что,—я буду съ вами говорить прямодушно,—у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя склонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь; что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ склонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся?

*Госп. А. (послѣ нѣкотораго молчанія). Признаюсь, надъ словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ высоко и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полнорочки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, о дурномъ говорить вѣчно въ третьемъ лицѣ,—то, признаюсь, невольно становится грустно на душѣ... Но простите мою нескромность,—вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами: позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Оч. скр. од. чел. А я ни болѣе, ни менѣе какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены

были лица комедии, и третьяго дня только прѣхаль изъ своего городка.

Госп. Б. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Оч. скр. од. чел. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣву, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не останется скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое позволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Госп. А. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Оч. скр. од. чел. Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору пьесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему

награда? Пьеса понравилась,—хвали ее; а онъ,—онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя, Богъ вѣсть, какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. «Помилуйте», говоритъ, «я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей,—какъ же мнѣ не дадутъ ни чина, ни ордена?» Нѣтъ, по мнѣ кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія,—не вѣрю я его благородству, не стодитъ гроша его мышиное благородство.

Госп. А. По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ нашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Оч. скр. од. чел. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ больномъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... Дай Богъ, чтобы вездѣ было побольше такихъ людей! (*Постынно уходитъ*).

Госп. А. (*переворачивая въ рукахъ карточку*). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это вначалѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ этомъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. (*Уходитъ*).

Госп. В. (*подходя къ господину Б.*). Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ—а?

Госп. П. (идетъ съ другой стороны). Помилуй, братецъ, ну что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?..

Госп. Б. Что?

Госп. П. Ну, какъ же выводить это?

Госп. Б. Почему же нѣтъ?

Госп. П. Ну, да самъ скажи ты: ну, какъ же, право? Все пороки да пороки; ну, какой титулъ подать это зрителямъ?

Госп. Б. Да развѣ пороки кажутся? Видь они же выведены на осмѣненіе.

Госп. П. Ну, да все, братъ, какъ вы говори: уваженіе... Видь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Госп. Б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Госп. В. Но позвольте, однакоже, замѣтить, все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Госп. П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримеръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... а... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Госп. Б. Ну, такъ что жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказать, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что жъ тутъ такого? Развѣ не попадаетъ гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Госп. П. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Госп. В. Чѣмъ выставить дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Госп. Б. Зачѣмъ? странный вопросъ: «зачѣмъ?» Много можно сдѣлать этакихъ «зачѣмъ». Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Госп. В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя надо скрывать, а не показывать.

Госп. П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное надо скрывать, а не показывать.

Госп. Б. Если бы слова эти были сказаны къмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, замѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь— до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, приносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. (Уходитъ).

Госп. П. (послѣ нѣкотораго молчанія). Что жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ, а?

Госп. В. молчитъ.

Госп. П. (продолжая). Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все наши, такъ сказать, раны.

Госп. В. (въ сторону). Ну, попались ему на языкъ эти

раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Госп. П. Этакъ, пожалуй, и я могу наказать кучу всего, да вѣдь что жъ изъ этого?... А вотъ князь Н. Послушай, князь, не уходи!

Кн. Н. А что?

Госп. П. Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, что, какъ пѣса?

Кн. Н. Да смѣшна.

Госп. П. Но, однакожъ, скажи: какъ это представлять? на что это похоже...

Кн. Н. Почему жъ не представлять?

Госп. П. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ,—вѣдь это все наши раны.

Кн. Н. Какія раны?

Госп. П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Кн. Н. (*съ досадою*). Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. (*Уходитъ*).

Госп. П. (*продолжая*). И потомъ опять, что за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говорить: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Госп. В. Однакожъ пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. (*Въ сторону*). Есть люди, которые имѣютъ искусство все исказить. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать столь пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной,—нѣтъ, стыщется поклонникъ и пріятель, который непременно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно, право: точно въ грязь посадилъ. (*Уходитъ*).

Военный и статскій *выходятъ вмѣстѣ*.

Статскій. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: «это надо выводить на сцену»; вы готовы вдоволь насмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ; а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный. Ну, послушайте: за кого вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донъ-Кихоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обидя? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

Статскій (*въ сторону*). Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: «подавайте! подавайте!» а подашь — такъ и разсердится. (*Уходитъ*).

Д в ѣ б е к е ш и .

Первая бекеша. У французовъ тоже, напримѣръ: но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, и проч. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь—ну, что это, право? —какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго бы я въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ,—ну, что это, право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французовъ другое дѣло. Тамъ *société, mon cher!* *) У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это боль-

*) Общество, мой милый.

шею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею также ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ жь ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? (*Уходятъ*).

Свѣтская дама (*въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракъ, другого въ мундиръ*). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, на примѣръ, какъ Дюма *) и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и не позволительной любви, но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участіемъ, чтобы я полюбила ее... А, вѣдь, здѣсь всѣ лица—одно отвратительнѣй другого.

Мужчина въ мундирѣ. Да, тривиально, тривиально **).

Свѣтская дама. Скажите, отчего у насъ, въ Россіи, все еще такъ тривиально?

Мужчина во фракѣ. Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривиально: кричать нашу карету. (*Уходятъ*).

Входятъ трое мужчинъ вмѣстѣ.

Первый. Почему жь не посмѣяться? смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки—злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка?

Второй. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

Первый. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

Второй. Какіе же другіе предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣт-

*) Дюма отецъ († 1873 г.) извѣстенъ своими романами и драматическими произведеніями, изъ которыхъ послѣднія въ особенности отличались вышними эффектами.

***) Пошло, низко, грубо.

скихъ случаевъ? Ну, положимъ, на примѣръ, я отправился на Аптекарскій островъ *), а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣленій?

Второй. То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, побужайте только въ театрѣ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій. Ну, нѣтъ, послушайте: это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыни.

Второй (*про себя, съ горькой усмѣшкой*). Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно благороднымъ, надъ тѣмъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ,—всѣ закричатъ: «онъ смѣется надъ святыней».

Первый. Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. (*Уходятъ*).

Второй (*про себя*). Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери мало-важные свѣтскіе случаи,—всѣ будутъ говорить: «онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли»; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль,—будутъ говорить: «не его дѣло, пиши пустиакі!» (*Уходитъ*).

*) Аптекарскій островъ, Выборгская сторона, Смольный монастырь—название мѣстностей Петербурга.

Молодая дама большого свѣта въ сопровожденіи мужа.

Мужъ. Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Госп. Н. (*подходя къ дамѣ*). Что вижу! Вы пріѣхали смотрѣть русскую піесу!

Мол. дама. Что жъ тутъ такого? Развѣ я уже ничуть не патріотка?

Госп. Н. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните піесу.

Мол. дама. Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

Госп. Н. Отчего же вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что русское?

Мол. дама. Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ, — все была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

Госп. Н. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но при всемъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Мол. дама. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама: но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть инья изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже молодая дама съ мужемъ.

Госп. Н. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. (*Обѣ дамы подають другъ другу руку*).

Первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Госп. Н. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вт. дама. Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю

все это очень вѣрно, и сама даже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Госп. Н. Стало-быть, комедія вамъ не понравилась?

Вт. дама. Ну, послушайте, кто жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и даже больше, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество пизкаго...

Госп. Н. Говорите, говорите!

Вт. дама. Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просить, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы. А вотъ же это именно и не советуйте. Дамамъ хочется непременно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за каждымъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

Вт. дама. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это! Вы любите именно одни только слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть, и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Госп. Н. Ну, скажите же, кто это былъ?

Вт. дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: «Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили піесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали они кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ п. дамы. О! да у васъ начинается рождаться маленькая злость!

Вт. дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. О, нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами!

Мужъ п. дамы. Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ чрезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вт. дама. Извините.

Мужъ п. дамы. Натурально: женщиныѣ что нужно? — Ей непременно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вт. дама. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицебрить, гдѣ лицебрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ, — потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, какъ вы ни скрываете и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ п. дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вт. дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ п. дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу руку! Я пошутилъ.

Вт. дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. (Обращаясь къ г-ну N). Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Госп. N. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, и этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вт. дама. Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Госп. N. Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вт. дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Госп. N. Отчего жъ такъ?

Вт. дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Госп. N. Вотъ хорошо! Стало-быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вт. дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете это въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ вт. дамы. Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вт. дама. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Госп. N. Стало-быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка?

Вт. дама. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ п. дамы (обращаясь къ г-ну N). Ну, развѣ ты не видишь — выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вт. дама. Молчите, я опять буду зла. (Обращаясь къ г-ну N). Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непременно должна быть холодная?

Мужъ вт. дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вт. дама. Ну, или раздражительная. Но, что же это значить?—Это значить, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Госп. Н. Это правда.

Вт. дама. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Госп. Н. Какъ вамъ сказать? Я не знаю его такъ коротко, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вт. дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ п. дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало-быть, карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы къ намъ, не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

П. дама (*уходя*). Пожалуйста!

Вт. дама. Непремѣнно.

Мужъ вт. дамы. Кажется, наша карета тоже готова. (*Уходятъ за ними*).

Выходятъ двое зрителей.

Первый. Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это, правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то,

какъ говорить пословица: «не душой худъ, а просто плутъ».

Первый. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество—не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ*). Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вложилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это—сборное мѣсто: отсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ, произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многого кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: «зачѣмъ лица и герои его непривлекательны», тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно

*) Фронтисписъ—заглавный листъ съ украшеніемъ, или виньетка въ книгѣ.—Передняя вершина, лицевая сторона зданія.

лицо честное было помѣщено въ комедію и помѣщено со всей увлекательностью, то всё до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица, и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ-быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленья; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: «Неужели существуютъ такіе люди?»

Первый. Да. Ну, это, однакоже, не вдругъ поймутъ.

Второй. Весьма естественно. Смысль внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданья. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ—не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится великій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходятъ).*

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль! *)

Выдутъ двое молодыхъ людей.

Одинъ. Ну, всё разсердились. Я ужъ столько слышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о піесѣ.

Другой. Ну, что думаетъ вотъ этотъ?

Первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой. Да.

Первый. Вотъ что онъ думаетъ: «За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..» **) Однакожь, тронулось, ка-

*) Ругательное, поносное сочиненіе, грубая насмѣшка надъ обществомъ, отдѣльнымъ лицомъ.

**) Т.-е. въ ссылку въ Сибирь.

жется, верхнее населеніе; водевилъ, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! *(Оба уходятъ).*

(Шумъ увеличивается; по вѣтмъ лѣстницамъ раздаются бѣготня. Выдутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долополье кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія—съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающаго въ рукава шинель; господинъ посторанивается и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Далеко въ мѣреляхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ: «Батюшки, припихнули со всѣхъ сторонъ!»)

Молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства *(подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель).* Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Мол. чин. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчепо!

Госп. въ шин. Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Мол. чин. Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣтъ!

Госп. въ шин. За этакія вещи надо сѣчь, а не хвалить.

Мол. чин. Это правда, ваше превосходительство!

Госп. въ шин. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Мол. чин. Какъ можно, ваше превосходительство?.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ. *(Народу, толкая того и другого).* Эй, вы, посторонитесь, генераль идетъ! *(Подходя съ необыкновенною учтивостью къ двумъ щегольски одѣтымъ).* Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, посторониваясь и давая дорогу.

Первый. Не знаешь, какой генераль? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (*подхватывая сзади*). Просто, статскій совѣтникъ, но мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ*). Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы — Владимира, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммисіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые (*одинъ другому*). Уйдемъ! (*Уходятъ*).

Чин. разг. свойства. Должны быть матушкины сынки. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. (*Уходитъ*).

Голосъ изъ толпы. Экъ народу навалило!

Офицеръ (*пробираясь съ дамой подъ руку*). Эй, вы, бороды, что наираете? Развѣ не видишь: дама!

Купецъ (*съ дамой подъ руку*). У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы. Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи. — Подлая, скверная піеса! — Забавная піеса! — Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы. Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ Носу.

Голосъ въ другомъ концѣ. Ну, вотъ, точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца. Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бывають, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте

*) Гражданскіе чины подраздѣляются на 14 классовъ. Первый классъ — высшій.

посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительнаго свойства. Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго. Что онъ знаетъ? — чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все — вранья. И взятки не такъ берутъ, ужъ если пошло на то...

Голосъ другого чиновника изъ толпы. Да что вы говорите: «смѣшно, смѣшно!» Знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно!

Неизвѣстный голосъ. Стой, украли платокъ!

Два офицера, узнавшие другъ друга, переговариваются черезъ толпу.

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности. Я бы все запретилъ. Ничего не надо печатать. Просвѣщеніемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, — больше не надо.

Голосъ въ народѣ. Что жъ, коли подлець, то и подлець. Не будь подлець, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

Красивый и плотный господинъ (*говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому*). Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

Господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства. Да, вѣдь, нравственность — вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ. Что вы разумѣете подъ словомъ «относительная»?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ. Вѣдь, обыкновенно, какъ гово-

рить всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ?— Свысока говоритъ: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества», а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

Красивый и плотный господинъ (*въ сторону*). Скверенъ какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

Невзр., но яд. свойства господинъ (*толкая подъ руку незнакомаго человека, говоритъ ему, кивая на красиваго господина*). Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ другого въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ (*уходя постыжно*). Извините, я не дослышалъ.

Невзр., но яд. свойства господинъ (*толкая подъ руку незнакомаго соседа*). Глухота-то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзр., но яд. свойства господинъ. Да, и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ городѣ. (*Пропадаетъ въ толпу*).

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый. А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы (*подхватывая рѣчь*). Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства. Авторъ, должно-быть, умный человекъ.

Господинъ отрицательнаго свойства. Ничуть не умный, я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣлъ написать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста долго не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ!—Квинтильяновскимъ *) манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: «милостивый государь»! А потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отвалилъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: «Пу», говоритъ, «благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнулъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства (*обращаясь къ другому человеку хладнокровнаго свойства*). Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства. Да вѣдь это все говорится экспромптомъ **).

Госп. добродушн. свойства. Какъ экспромптомъ?

Господинъ хладнокровный. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ,—возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ—и пошелъ передавать по городу всѣмъ.

Госп. добродушный. Это, однакоже, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Госп. хладнокр. Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

*) Квинтилианъ—знаменитый римскій риторъ (ум. 118 г. до Р. Х.).

***) Безъ приготовленія, неожиданно, случайно.

Дама средняго свѣта. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза. Этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

Госп. съ вѣсомъ. Я не знаю, что это за человекъ. Это, это, это... Для этого человека нѣтъ ничего священнаго; сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и въ васъ правды нѣтъ ни на грошъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе—вотъ что это значитъ. Да вѣдь, меня послѣ всего этого всякій приберетъ на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!» Вѣдь это вотъ что значитъ.

Третій господинъ. Еще бы! Это серьезная вещь! Говорятъ: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе!» Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За такія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да, если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, Богъ въстъ какого свойства, впрочемъ, благородной наружности и прилично одѣтыхъ.

Первый. Постоимте лучше здѣсь, покамѣстъ выйдетъ толпа. Ну, что это право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что. Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пѣса—и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора,—ну, что это такое!

Второй. Однакожъ пѣса повеселила, развлекала.

Первый. Ну да, повеселила, какъ обыкновенно веселить и всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто бы о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, что это такое? Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица,—ну,

тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? Кричать: «литераторъ! литераторъ! писатель!» Да что такое писатель? Что иной разъ попадетъ остроумное слово, да слышишь кое-что съ натуры... Да что же здѣсь за трудъ? Что жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки—и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь неважная.

Первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однакожъ, все-таки что-нибудь нѣ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы самъ знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человекъ! Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите самъ, ну что такое они пишутъ?—вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй. Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бъ еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается,—вотъ и вся штука!

Третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый. Именно, трата времени,—больше ничего. Поба-

сенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожь, народъ выходитъ, пойдете! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! (*Уходятъ. Толпа рднетъ; блгутъ кое-какіе оставшіе*).

Добродушный чиновникъ. А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить. Все плуты, да плуты.

Одинъ изъ народа. Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ (*смотря на часы*). Однако, скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. (*Уходитъ*).

Отставшій чиновникъ. Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театр! (*Уходитъ. Свни пущаютъ*).

Авторъ піесы (*выходя*). Я слышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ семъ высококомъ самоотверженіи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа! Какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это, честное, благородное лицо былъ—*смѣхъ*. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился

выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику,—прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлечения и забавы людей;—но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка,—излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «неужели есть такіе люди?» тогда какъ, по собственному сознанию его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно; а смѣхъ свѣтелъ. Многие бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное сплюю смѣха, несетъ оно уже примиренье въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщенье противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену; плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобъ этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное про-

звѣще; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышать могучей силы такого смѣха: «что смѣшно, то низко», говорить свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мѣрѣ! Все, что ни творилось вдохновеньемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира—для нихъ побасенки, высокія движенія души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданія были сейчасъ названы побасенками, — нѣтъ, я вижу свои пороки и вижу, что достойнъ упрековъ; но не могла выночить равнодушно душа моя, какъ совершеннѣйшія творенія сестились именами пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижныхъ холодомъ души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: «побасенки!» Побасенки!... А вонь протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ, и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!... А вонь стонуть балконы и перила театровъ: все потряслось снизу доверху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и тремить дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышать ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости?

Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе въ жизни? Побасенки!... А вонь, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку,—и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и просить вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить, и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!... Но мѣръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсню и тинной покрылись бы души. Побасенки!... О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимающихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокіхъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Мѣръ—какъ водоворотъ: держутся въ немъ вѣчно мнѣныя и толки; но все перемалываетъ время: какъ шелуха слетаетъ ложь, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ,—въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору *).

...Ревизоръ сыгранъ—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико, и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ **) ни на волосъ не попялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ,—блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни намекъ въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ забываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ

*) Это письмо писано къ А. С. Пушкину.

**) Петербургскій актеръ.

ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значить просто нести болтовню. Лгать значить говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т.-е. лица, т.-е. видной наружности, т.-е. физиономіи—рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ, съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому, труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ назы-

ваютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многого разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадаетъ и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, естественно, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кофѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственнй мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно!

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приѣмѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, и этотъ судья былъ я самъ. Внутри

себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила,—по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирился «Ревизоръ» городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде; ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго *), ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей широтѣ талантъ свой, о которомъ уже начинали отзываются равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На Слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли, сверхъ ожиданія, дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я вообразилъ въ ихъ кофѣ Щепкина **) и Рязанцова ***), но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то

*) И. И. Сосницкій, извѣстный петербургскій актеръ, создавшій много ролей въ лучшихъ пьесахъ иностраннаго и русскаго репертуара, напр. роль Репеталова въ «Горѣ отъ ума», городничаго въ «Ревизорѣ» и др. († 1871 г.).

**) М. С. Щепкинъ—знаменитый московскій актеръ († 1863 г.).

***) Рязанцовъ—комическій актеръ въ Москвѣ.

нескладныхъ превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, включенные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолеваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, до толѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія, свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе, довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первымъ. Но замѣчаніе было сдѣлано: «стало-быть», сказалъ я самъ въ себѣ, «я плохо выполнилъ эту сцену». И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ, и какъ вспомню, что для этого нужно вѣдять, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ,—пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи «Ревизора».

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ.

Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ-называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унижительно для актера и пр., и пр., и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: «нѣтъ, это не свяжетъ нисколько, это не унижительно». Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не останавливать указанныя ему границы, какъ не останавливать рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразитъ всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражены жена и дочь его, особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр., и пр.; особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившие себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они далѣ въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ.

Словомъ, каждый мимически продолжить свою роль и, не смотря на то, что онъ повидимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пѣса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, прѣвзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.
С.-Петербургъ.

II.

О комедіи „РЕВИЗОРЪ“.

Въ основаніи «Ревизора» лежитъ та же идея, что и въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ, въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ «Ревизорѣ» — пустоту, наполненную дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, Гоголь взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значеніе, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ — ссору двухъ пріятелей, во второмъ — ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей-враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ; мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вплоть

исчерпанную поэтому въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдные деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки житейской мудрости, т.-е. въ искусствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ: взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностію и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣйте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективных обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно, обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно, долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ; но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: «не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ...» Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по-своему, очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло — своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ, — образецъ подьяческой дипломатіи. Итакъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ

наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новые хлопоты и убытки, чтобы вернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра...

Представьте себѣ воришку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ — черныя, неестественной величины — пришли, понюхали, и пошли прочь... Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣль призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны — мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязны и бессмысленны, тѣмъ для него имѣютъ большее и таинственнѣйшее значеніе. Если бы, послѣ этого сна, ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но, какъ нарочно, на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что «отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все относящееся по части гражданскаго управленія». Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова «инкогнито» и «съ секретнымъ предписаніемъ». Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Повведенія въ юридической сферѣ, грозяція уголовнымъ судомъ и ссылкой за взяточничество и казнокрадство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется, и какія пули онъ будетъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ.

Судья—собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками и потому не боится суда, — который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумецъ, находитъ причину присылки ревизора, достойную своего глубокомыслия и начитанности, говоря, что «Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобъ узнать, пѣтъ ли гдѣ измѣны». Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: «Гдѣ нашему уѣздному городничь? Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь». За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ прїѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т.-е. взяткахъ, говоря, что «нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собою какихъ-нибудь грѣховъ», что «это уже такъ самимъ Богомъ устроено» и что «волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ»; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьей о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. «Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?» — «Ляпкинь-Тяпкинь». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вотъ что худо...» Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ разные такіе пассажи... назидательные даже... лучше, нежели въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты «немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать—не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки». Какая глубина въ изображеніи! Вы думаете, что фраза «или просто переписки» безмыслица или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городнича выразиться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей

жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. «Я радъ, что вы это дѣлаете», отвѣчаетъ плутъ-городничій простяку-почтмейстеру: «это въ жизни хорошо», и видя, что съ нимъ обняками не много возьмешь, напрямки проситъ его—всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собачонкою, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не надо собакъ и зайцевъ: «У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...»

И въ самомъ дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ, и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатахъ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдаютъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаніи и собираніи новостей и сплетней. Обогащаются подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаниемъ своей важности, и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема. «Чрезвычайное происшествіе!» кричитъ Бобчинскій. «Неожиданное извѣстіе!» восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особливо самъ городничій весь сосредоточенъ на идее fixe. «Что такое?» — Приходимъ въ гостиницу — восклицаетъ Добчинскій. — Приходимъ въ гостиницу, — перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается рассказъ самый обстоятельный, самый подробный, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ,

словомъ, по всѣмъ правиламъ тошниковъ или общихъ мѣсть старинныхъ реторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ-друга; каждому хочется насладиться своею важностію, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и рассказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ рассказомъ, говоря, что у Добчинскаго «и зубъ со свистомъ, и слога такого нѣту», и Добчинскому осталось только помогать жестами рассказу счастливаго Бобчинскаго, изрѣдка обвѣгивая его нѣкоторыми фразами, которыми тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой рассказъ. Наконецъ, дошли до «молодого человѣка недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ». Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ «молодой человѣкъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ», на воображеніе городничаго, уже безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго «инкогнито»! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы кофѣйку заплатилъ». Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: «Съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда—въ Саратовскую губернію? Это вѣрно никто другой, какъ самый тотъ чиновникъ». Не естественно ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? не можетъ быть! Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платитъ, и не знаетъ! Кому же быть, какъ не ему? и съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

Пропускаемъ остальную половину перваго акта—отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли

могъ узнать о невинно высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ—молодой человѣкъ; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собою или хотъ позволить «обвѣгать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ», чтобы только посмотрѣть въ щелочку, «такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего»; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ «не по чину беретъ»; сцену съ частнымъ приставомъ, донесшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животные переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на кушцовъ, не догадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу «на каждого бестіюкупца наложить по три пуда воска», когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, расцарапывающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усамп, браня ее на дочь, которая своею кокетливостію при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой noble кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящею въ молодой дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ, ни чертою; что все это больше нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походитъ на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походитъ сама на себя, ибо все это—художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности.

Передъ вами Осипъ—герой лакейской природы, представитель пѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды.

Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ, между прочимъ, читаетъ онъ правоученіе самому себѣ для своего барина (Хлестакова), онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и, наконецъ, самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который пожилъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и *салатерейнаго* обращенія, но, по пословицѣ «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь тревоженіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самый ихъ характеръ, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ грубиянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по-своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель; глупцы скорѣе всего перенимаютъ вѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ, до новой присылки денегъ... Въ Пензѣ его обыгралъ начистую пѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастіе, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ дилетантъ къ художнику, потому что, «что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ—славно играетъ!...»

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что «тамъ чего-то пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васѣ»; новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобахъ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшался мыслию, что если поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, кото-

рыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой настроенности его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!.. Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о «проклятомъ инкогнито», онъ все глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки, а съ другой, преловко и прехитро выкидываетъ свои тонкія штуки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своей дочерью—въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ—мать сердится: «Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ». Потомъ вопросъ, кто идетъ. Дочь говоритъ, что это Добчинскій; мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: «Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!» Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ: «А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій». Мать отвѣчаетъ: «Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь?» Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правою передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собою? Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой являются тутъ во всей своей призрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа: «Настоящій; я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ». Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже «перетрухнулъ немножко». «Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите», спрашиваетъ она его. «Да такъ,

знаете, когда вельможа говорить, то чувствуешь страх», отвѣчаетъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: «Молодой, молодой человекъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говорить совершенно какъ старикъ. Извольте, говорить, я поѣду и туда, и туда... (размахиваетъ руками), такъ это все славно»...

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь «столичная штучка», и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самые темные глаза, потому что «она и гадаеть всегда на трэфовую даму», и возраженіе дочери, «что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она больше червонная дама»—эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываетъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери...

Сцена явленія Хлестакова въ домѣ городничаго, въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго; представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны; любезничанье и вранье Хлестакова: каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого—торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда нежданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго, и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своею новостію и небывалостію! Здѣсь характеръ Хлестакова—этого второго лица комедіи—развертывается вполне, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости...

Къ сожалѣнію, это лицо понятно меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, угрированъ, если можно такъ выразиться, его болтовня, напоминающая не любо, не слушай—врать не мѣшай,—изысканно-неправдоподобною. Но это потому, что всякій хочетъ видѣть и, слѣдовательно, видитъ въ Хлеста-

ковъ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между тѣмъ нашель деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прійти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и подпилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоять все навтыяжку—ему до этого нѣтъ дѣла; чтобы понять это, надо подумать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвоилось, все перемѣсилось—и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками,—онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственно тяжестью. «Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ бишь я говорилъ!» Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль, и началъ бы не говорить, а продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что «при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь».

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ.—Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ?—страхъ городничаго; слѣдовательно, онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во вто-

ромъ дѣйствій и исчезаетъ въ четвертомъ,—и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ. Герой комедіи—городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ «Ревизорѣ» нѣтъ сценъ душень, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнюю формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта, и остановимся только на оцѣнѣннѣи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: «такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ (задумывается); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣснить...» Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по-старинному, что называлось «тянуть ляжку»; а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованнѣе своего мужа: «А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ». Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: «Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа». Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удосто-вѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все са-

мымъ же собою, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простаго понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: «Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физиономіи точно есть что-то такое внушающее...» и не докончилъ, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько и потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... «Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать займы денегъ». Видите-ли: его приняты за важную особу—оттого, что «у него въ физиономіи есть что-то внушающее»; это должна дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполне убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ, и ласково, тоже, какъ будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: «Погоуляли здѣсь два денька,—ну, и довольно; что съ ними долго связываться! плюньте на нихъ! неровень часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ», и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, равно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что «батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкался», и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите какъ на ладони это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрелось и не умывалось, чтобы отъ его бородки не нашло капустою; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на «авось», т.-е. гдѣ выторговаль,

а гдѣ надулъ, и съ которымъ, по всему этому, городничій обходится безъ чиновъ: «схватить за бороду, говорить: ахъ ты, татаринъ», которое, наконецъ, любить коли давать, такъ давать — возьми и подносякъ, и головку сахара, и кулечикъ съ винами, и не триста, — что триста! — пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ — беретъ взаймы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, такъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ толкаетъ Хлестакова, т.-е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она «барышня»: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ — такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. «Барышня» глуна, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь этакіе новенькіе «стишки». О, ему это ничего не стоитъ — онъ много знаетъ наизусть стиховъ, напр.: «О ты, что въ горести напрасно», и проч. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она — онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и толкаетъ его «просить руки» Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ зазвучалъ — и Хлестаковъ готовъ спросить себя: «На чемъ бишь я остановился?»

Первыя сцены пятого акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной природы. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все крившееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апо-

теозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполне опредѣлившееюся возможностью: все темное, грязное, низкое и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. «Что, — говоритъ онъ женѣ, — тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ... фу ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!» — «Какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокогаго полета, чортъ побери!» Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди; страхъ Сибири прошелъ — онъ уже не общается Богу пудовой свѣчи, и грозитъ еще жить и обирать купцовъ: велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу, «валить въ колокола; коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!» Его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка, «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ прогнать всѣхъ въ городъ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ». Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усь не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго: изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростію и злобною ироніею; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ; онъ постепенно приходитъ въ большую и большую ярость и разра-

жается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы «засушенные бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи» не думали «отбоириться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахара», ибо де «онъ выдаетъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина...»

Начинаютъ собираться гости. Городничій снова въ своемъ пѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатною особою; поздравляютъ вслухъ съ «необыкновеннымъ благополучіемъ» и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятого акта, играетъ роль случайной дамы, которая, однако, нисколько не удивлена своимъ счастіемъ, какъ по праву принадлежащимъ ей достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатною дамою: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и пренапивно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ «и не уполномоченный, и не особа». Сцена чтенія письма Хлестакова — въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій?—Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственною ошибкою, такъ тяжело наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ», котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманываль; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣваль на удъ; трехъ губернаторовъ обманул!»—Вы думаете: ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ

ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимою знатностію? Ничего не бывало! Когда дражайшая его половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: «Какъ же?.. вѣдь это не можетъ быть... онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?» — онъ не только не старается замѣть позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: «А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пустѣйшій человекъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человекъ или вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то, чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» За симъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствами на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга; какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Бѣлинскій.

III.

РЕВИЗОРЪ.

Мы, русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполне удовлетворяетъ требованію искусства: это «Ревизоръ» Гоголя.

«Ревизоръ» есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ — Городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ - Ляпкиныхъ — взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ, — пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна, городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ «самоварниковъ и архибестій»; Тяпкинь-Ляпкинь ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды насчетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь ея кокетничали съ уѣздными франтами, съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ насчетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной передъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а

въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и во главѣ ихъ и Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ; они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. Итакъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленький міръ. Добчинскій и Бобчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ. Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену; потому что на улицахъ грязь; потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались купить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ; потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется рассказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: «такъ, знаете, въ дверь только посмотрѣть, какъ у него поступки...» Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится разспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще покетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ «ревизоръ», и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый

составляет отдельное, художественно-выработанное лицо: вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ него, и безъ того глупой головѣ, все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и «Библиотека» съ «Сумбекою»; онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что говорить... Между тѣмъ каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка: личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды, городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человекомъ, «что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городъ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочеть». Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастьи всему народу, «валеть въ колокола; коли торжество, такъ торжество, чертъ возьми!» Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величїи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? «Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дождается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Городничій въ наосѣ. Все, что ройлось у него въ душѣ,

все высказано отъ избытка счастья. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одному часть его души и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаеть, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это было пустяки. Посмотрите въ третій разъ на эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ—городничій, который «тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести, мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣлывать на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!» Во время этого бѣснованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его является жандармъ съ извѣстіемъ о прїѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедїи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена—кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедїи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившїй всю глубину души ихъ.

С. Дудышкинъ.

1948

6513

145822

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

1. Коляска. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . . . . 15 коп.
2. Вечерь наканунѣ Ивана Купала. *Пов.* Въ переплетѣ 20 >
3. Вій. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . . . . 25 >
- *4. Майская ночь или утопленница. *Пов.* Въ переплетѣ 20 >
- *5. Сорочинская ярмарка. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . 20 >
6. Носъ. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . . . . 15 >
7. Страшная мѣсть. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . 25 >
8. Пропавшая грамота. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . 15 >
- *9. Ночь предъ Рождествомъ. *Повѣсть*. Въ переплетѣ 30 >
10. Ревизоръ. *Комедія*. Въ переплетѣ . . . . . 40 >
- *11. Шинель. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . . . . 25 >
12. Заколдованное мѣсто. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . 15 >
13. Женитьба (совершенно невѣроятное событіе). *Комедія*. Въ переплетѣ . . . . . 25 >
- *14. Тарасъ Бульба. *Повѣсть*. Въ переплетѣ . . . 30 >
15. Старосвѣтскіе помѣщики. *Пов.* Въ переплетѣ . 25 >

* Допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Выписывающіе всѣ вышеозначенныя книжки разомъ, непосредственно изъ конторы изданій А. Ф. Маркса, въ СПб., улая Морская, № 22, ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.